

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

10 1963

СМЕНА

Владимир БУТ,
Бор. СЕМЕНОВ,
специальные корреспонденты «Смены»

НА ПОРОГЕ Б

Воткрытую дверь самолета, зарулившего на стоянку, ворвались обжигающие струи ветра. Они швырнули навстречу пассажирам колбаски, ледяные иглы. Люди ныряли в снежную коловверть, топливо пробегали метры, отделяющие самолет от вокзала. В крохотный зал сквозь клубы пара вваливались фигуры в уже застывшей одежде.

В автобус мы протолкались вперед, к кабине шофера. Но и через ветровое стекло нельзя было рассмотреть ничего, кроме тридцати метров накатанной дороги да мелькавших по бокам вещей — часовых ладового тракта.

В холодном автобусе было шумно, как в улье. Каждый говорил о своем. Кого-то ждал дома накрытый стол, строганина и деликатес — картошка и мурдере. Кто-то торопился на модельный и подгонял шофера: «Скорей, браток!» Кому-то позерез надо было узнать, как там дорога на Таллах. Он тормозил соседа и ругал какого-то Смолова.

Никто не говорил об оленях, псадах и белых медведях. Говорили, что вчера дуло зверски: рабочие шли на смену, держась друг за друга. Но плен дали. Что в тундру увезло редактора с телевидения и его искали целый час. Упоминали каку-то «макаронку», где разворачивается высчитывательный центр.

Шел разговор о стройке в новом микрорайоне. О том, что каждый день десять семей в Норильске спрывают новоселья. И уже сейчас три четверти норильчан живут в современных многоэтажных зданиях, где есть и электрические плиты и горячая вода в любое время суток. Кто-то два года назад здесь было четыре тысячи крохотных деревянных домишек — по-местному, балкиб, — а еще через год не будет ни одного.

Из этого людского гомона вырисовывалась картина жизни заводярынков.

Становилось ясно, что нельзя говорить о Норильске, не говоря о комбинате, и о комбинате —

в отрыве от города. Город и комбинат являлись нам единым целым. И уже не было удивительным, что здесь все работает на комбинате: на его заводах, на его стройках, в его столовых, магазинах, поликлиниках, библиотеках, конструкторских бюро или проектных конторах.

Кондуктор крикнул, что нам пора выходить — гостиница рядом справа.

Мы выскочили из автобуса, сделали несколько шагов. Ни улиц, ни зданий. Только снег — под ногами, вокруг, сверху. Потом наткнулись на ступени. Пролетевшая мимо через светлую табуру, ввалились в вестибюль. Устно свестились плафоны. Тихо... Тепло... Мягкая мебель.

— Ну и пурга!

— Да какая же это пурга! Только начало. Вот ночью она даст жару!

БИТВА В ПУРГЕ

Нечая, неверное, нужно со справки.

153 дни в году здесь дует метели.

Их продолжительность — 2296 часов.

За это время на Норильск обрушивается двести миллионов кубометров снега.

...Пурга налетела, словно разъяренный хищник. Она набросилась на город, на комбинат, на рудники, стремясь снести все, что стоит на ее пути.

Машины на дорогах тащились еле-еле. На железнодорожном переезде у Северного рудника ветер повалил автобус. На видню было ни зги: вытяни вперед руку, и в снежном месиве не разглядишь даже свою варежку.

В динамике на столе диспетчера комбината сплошной треск, свист. Сквозь хаос звуков пробивался только один вопрос:

— Где Смолов? Где Смолов?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания сороковой

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

10 МАЙ 1963

ОШЫШОГ ДНЯ

КОМУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ —
КОМУНИСТИЧЕСКИЕ ДЕЛА

— Был на медеплавильном.

И опыт:

— Где Смолов? Смолов где?

— В районе ТЭЦ.

Этот Смолов был нужен сейчас всему городу. Никто не знал, каковы «резервы» пурги, и никто не мог сказать, сколько продлится ее атака. Уже давно все, кто мог, спрятались по домам. Но и на домах, с трудом отворяя двери, выбирались люди.

Это были люди Смолова. Они выводили на дороги бульдозеры. И машины, скрежеща и лязгая, сдвигали сугробы, открывали путь рудозавоз, автобусам, цистернам с молоком, фурам с надписью «Хлеб».

На Зуб-горе пурга построила снежную баррикаду. Движение замерло. В крошечной игле машины протяжко гудели, словно корабли, терпящие бедствие.

Подшло инеокоротеры и снегопогрузчики. Люди Смолова повели атаку на баррикаду. Они пробили в ней брешь, и движение возобновилось.

Потерпев поражение на Зуб-горе, пурга контратаковала у медеплавильного. Она уже бросовала третий час. Дрожали от напряжения, но не сдавались опоры линии электропередачи. Не выдержали провода полая в резонанс с ветром, долуни.

Сколько продержится резервная линия?

В тундру потащилась «аварийка». Именно потащилась, потому что нельзя было назвать ездой это подпринение вперед, когда видимость не больше метра. Автомашина не пробились к месту аварии; дамбуковала. Люди вышли, связались с завкой, дамбуковали куда-то во мгу. Наконец нашли обрыв. Работать, когда ураганный ветер то и дело сбивал с ног, было почти невозможно. Почти... Но бригада работала.

— Поставить бы здесь бульдозер да за ним укрывался! — сказал кто-то.

— Вот бы Смолов подыхал!

Смолов. Смолов... Смолов...

— Кто же такой этот Смолов? — спросили мы.

— Как кто? Начальник ЦМСБ.

— Чего!

— Цеха механизированной снегоборьбы.

Разные мы видели цеха. Доменные и ткацкие, сборочные и ремонтные. Но о таком цехе даже не слышали. А на арке так и значилось: «Цех механизированной снегоборьбы».

Смолов сидит в своей конторке, подперев голову кулаком. Видимо, здорово устал. Смотрит на нас исподлобья.

— А мы о вас слышали, как только в Норильск приватели. В автобусе вас честили.

— Чему удивляться? Должность такая — главный дворник. Но вот сегодня хвалят.

Он подает нам лист бумаги, где сверху напечатано: «Приказ директора Норильского горно-металлургического комбината имени А. П. Завенягина. В глаза бросается: «...снежная пурга и заносы, угроза остановки основных предприятий, мужество, проявленное...» И длинный перечень фамилий — сто двадцать четыре.

Но вот незадача. Мы читали утром местную газету, слушали радио. Об этих людях не было ни слова. В чем же дело? Может, нерестороньки оказались наши норильские коллеги? Нет. Просто геронам людей, массовый геронам стал эдаким обычным явлением, буднями...

— Смолов, ты у себя? — оживает динамика.

— У себя, у себя.

— Правильно.

— Ну, плышу, видишь?

— На тебя, кажется, снегопогрузчик свалился.

Наряд будет.

— «Дз четвертая шестьдесят? Этого добра не надо».

— Как знаешь...

Повернувшись к нам, Смолов начинает с места в карьер:

— «Дз четвертая шестьдесят. Знаете такой снегопогрузчик? Нет? Тогда пойте, покажу. Мы выходим во двор и след за Смоловым на-

**«Поезжайте в самую глухую-
мань, туда, где мы закладываем
будущие заводы. Кто первый
туда пришел, кто первый
ночевал при 40-градусном морозе? Это наша славная со-
ветская молодежь, это комсо-
мольцы!»**

Н. С. ХРУЩЕВ.

(Из речи на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1953 года).

правляемся в гараж. Просторное теплое помеще-

— Вообще-то здесь теснота. Но сейчас почти все на патрульной оцистке... А вот и четвертая шестьдесят!

— Оставились у огромного механизма, разобранного до винтика.

— Читает?

— Дело-то ерундовое, а приходится по кускам разбирать. Так конструируют. Один болт заменить надо, а отвори сотню.

— Он даже плюнул от злости.

— А вот полюбуйтесь на авторейдеры. Присылают без кабины. Ну как работать без кабины? Ни черта там не думают... Бы вот за руль снего-оцистителя садить. Покирните барану. У меня Юрий Власов не работает. Да если б и работал, он один, а механизмов больше сотни. Никак не свернется! То-то. Легче машин с солью на третий этаж таскать. Что и говорить, неважечная техника. И разномарочная...

Теперь нам становится понятной рассержен-

«Молодость — прекрасная пора. Но прекрасна она не только сама по себе, а когда эта молодость, ее революционный энтузиазм направлены на достижение высоких целей и идеалов».

Н. С. ХРУЩЕВ.

(Из речи на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 года).

Ал. ДЫМИЩ

В редакцию «Смены» пришло письмо — одно из многих. Пишет девушка из Москвы, двадцать лет, Саломея Лариса.

Свое письмо Лариса начинает так:

«Дорогая редакция!

Не думаю, чтобы мое письмо Вас заинтересовало. Вероятно, и Вам придут тысячи таких писем. Но не писать я тоже не могу. Просто надо выместить все то, что накопилось на душе».

Лариса хочется «поговорить, да так, чтобы слышали другие», ей хочется поговорить с писателем, да так, чтобы она ответила бы долами. В одном Лариса ошиблась: письмо ее не только заинтересовало редакцию — оно должно заинтересовать всех пишущих, всех, кому дорога литература. Ее мысли и слова достойны того, чтобы их «слышали другие». Хочется, чтобы над письмом девушки из Москвы крепко задумались и молодые начинающие литераторы, которые привозили в Москву со всех концов нашей гигантской страны, чтобы вместе обдумать насущнейшие вопросы своей работы.

Письмо Лариса написано энергичными словами. За ними — большое чувство. Товарищкий литератор оно не может оставить равнодушным. От сказанного ею можно покраснеть, но нельзя отвернуться. В нем — упрек и призыв. В нем — правда, которую Лариса говорит от лица тысяч и тысяч читателей. В нем — желание, чтобы сегодняшняя литература помогала людям строить жизнь, отвечала на коренные вопросы, возникающие перед людьми, поднимавшие новые и новые пласты истории. Лариса много читает, любит книги советских писателей, считает многие из них хорошими. Но она — а с ней тысячи и тысячи читателей — идет от литературы большего. Она жлет, что литература дает нам таких героев, которые силой своего примера, умом, красотой души помогают тысячам и миллионам людей стать еще выше и лучше, еще выше и лучше поднять культуру нашей жизни, культуру жизнестроения.

«Я понимаю», — пишет Лариса Саломея, — что жизнь надо строить, что без культуры ничего не придет». И она хочет, чтобы литература помогала решать насущнейшие вопросы жизни, помогала воспитывать высокую культуру чувств, помогала преобразовывать жизнь по законам красоты.

Требования молодой читательницы к литераторам прекрасны. Ей

ность Силова. Со снегом дел по горло, а тут еще техника подводит. Попался ему руководитель минского завода «Дарник», что шлюп в Норильск «Д-460», сказал бы он им пару теплых слов. И кое-кому с Челябинского и Орского заводов дорожные машины выдал бы авторейдеры без кабины, и конструкторам снегоочистителя, управляя которым под силу разве что самому Юрию Власову.

Наверное, из этих предприятий есть «Комсомольский проектор». Даже наверняка. Вот бы посветить ему на эту сторону дела!

И еще. Почему бы конструкторам дорожных машин не взять слова Никиты Сергеевича Хрущева, обращенным к создателям сельскохозяйственной техники? Ведь сумели же тангаржники и тракторы создать самоходные шасси, которые «и

швец и жинца. А разве нельзя построить базовую дорожную машину, способную работать как бульдозер и снегопогрузчик, авторейдер и шинеротор?»

— Да, хорошо бы — мечтательно говорит Солов. Но в общем-то мы не печемся. Как-никак снег убираем. Правда, только пополюну.

— А что с другой дележкой?

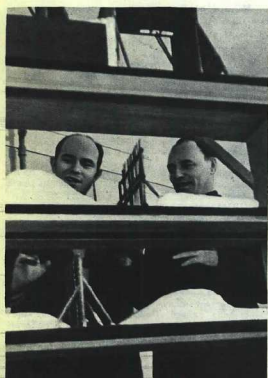
— Другую сулавем. Впрочем, мы лучше Кузьмина найдем. Его Петром Ивановичем зовут. Он у нас главный ветродуй.

«...Честное слово, Норильск расползился не в самом уютном месте. Ущелья между гор, непроходимых без всякого плана, складов «тэгу», словно в мощной аэродинамической трубе».

— Небось, Солов вам посоветовал: узнайте, дескать, что он там коудет?.. — Петр Иванович говорит размеренно, словно думает вслух. Мы не коудем. Не ведным и не волшебным... Вы что, писать о нас собираетесь? Не советуя. Случная тема. Стрима заборы. Сначала один. Потом другие. А разница вроде никакой. Вот нейтринно открыли — это здорово! А тут случная неужа — ветер, и всей романтике тонка.

Меня тут ветродуем зовут, — продолжает Кузьмин — Ерунда это. Дуть на пургу бессмысленно. Не переувлажь. А вот заворачивать ее можно. По ставь заборчик под углом к ее атаке, она и сринкошет.

Он шатит нас к этажерке, где стоят с ювелирной тщательностью сделанные микеты заборов. Некоторые из них словно аэрога у выхода в створ-

Заборы, щиты, стенки... Снегозадерживающие, снегоотражающие, туманоотбойные... И какие только «орудия» не придумывают для борьбы со снегом езданий дворник Норильска Юрий Михайлович Солов и главный директор сквозняков Петр Иванович Кузьмин!

ЕЩЕ О ПЬИЛИЦЫ

ности и в буржуазных взглядах. Дайте нашего героя, коммуниста, комсомольца, дайте героя, который верю — мыслью, делом, дыханием — есть плоть от плоти советского общества, покажите нам сына нового, коммунистического века — вот что говорят молодым писателям молодой читатель.

Лариса Саложкина дорожит революционными традициями нашей литературы. Она хочет, чтобы современный герой был всегда и во всем человеком революционных взглядов и поступков, непримиримым к мещанству, к обывательщине. Она хочет, чтобы литература всем существом своим, всем своим нафигио, протыпывала жизнь-подвиг «привременному», скучному существованию. Она против жизни «шени-тересной, скучной», за торжество «красивого, настоящего». «Так и хочется крикнуть, исторгнуть воск: «Да не становится вы мещанами, будьте лучше, ничто, но можете сразу — старайтесь, идите вперед, идите! Ведь лучше смерть, чем жить обывателем!»

Сильно настоящего горьковского духа в этих строках молодого советского человека, озабоченного тем, чтобы советская литература наилучшим образом служила жизни, народу и коммунизму! Слова Ларисы Саложкиной заставляют меня задуматься о возможности, испомогти о Горьком, о его словах, которые хочется назвать нашим молодым литераторам. Обращаясь к комсомольцам, говоря о требованиях, которые жизнь выдвигает перед литературой, Алексей Максимович амешил: «Перед новыми талантами стоит задача: отобразить в литературе не роя — чудесного, небывалого даже в сказке, героя, который может перестроить мир... Но, кроме героя этого, есть и другой «герой» — мещанин, который стремится построить себе домик с пансионским, а по воскресеньям диня есть паргон. Перед вами стоит задача — показать первого героя, собрав одним человеком все достоинства большого коллектива... Надо показать этого чудесного по силе героя в борьбе с новым мещанином: в столкновении дерзновенного желания перестроить мир и мещерного стремления — построить свое «пансиончик» где-то в конце великого».

Горький говорил это в 1928 году. С тех пор у нас поубавилось паранитарных элементов. Но они жили, и героям нового необходимо бороться с ними. Горький говорил и о том, что в борьбе с мещанством литература надо высоко поднимать образ нового героя. И другой своей речи того же 1928 года он высказывался таким образом: «Вчера пришел в жизнь новый человек. В новую жизнь... Он себя не видит, он хочет себя узнать, он хочет, чтобы литература его отразила, и литература должна это сделать. Какими путями? И тут надо, необходимо сочетание реализма с романтикой. Не реализм, не романтика, а и реализм, и романтика, как бы надо иносати одного существа...»

Со временем, когда это было сказано, прошло много лет. Новый герой ищет за своими плечами большую и прекрасную историю. Он делает, и делает, и вступает в борьбу с мещанством. Он преодолевает, он смеет идти в будущее, помогая человечеству расставаться с прошлым. По зовут Горького, определяющий пути изображения нового

героя, остается весьма актуальными для литераторов, пишущих о современной жизни и не всегда умеющих постигнуть величие нового героя, не всегда сознающих, как его надлежит показывать. Требования и призывы читателей подтвердились советами Горького. И над тем и над другим надо подумать литераторам и в особенности молодым. «Дайте хорошего героя, иначе мы злодеями, иначе мы наделаем массу ошибок!» — пишет Лариса Саложкина. Самый том, в каком это сказано, не может не возмутить литераторов. Читатель ждет от литературы произведения большой воспитательной силы, хочет, чтобы слово было полнокровным человеческой силой. Для этого мало уютно видеть героя, для этого мало уютно его показывать. И тут на помощь литератор приходит здесь опыт нашего искусства и прежде всего опыт и совет великого основоположника новой литературы — Горького.

Лариса Саложкина написала свое письмо потому, что во время его не написала. Оно вырвалось из ее души. «Пусть, — замечает она, — это письмо и не принесет Вам ничего нового, пусть его прочтут и выкинут, но все же, я думаю, хоть мне будет легче». Нет, товарищ Саложкина, Ваше письмо нельзя выкинуть, — в нем слышится голос живой и требовательной жизни. Его должны услышать писатели, они должны над ним подумать. Хочется в особенности обратиться на него внимание молодых литераторов. Они будущее нашей литературы, ее новый язык, ее надежда. Они идут в искусство из жизни, и для них молодой герой — товарищ и брат. Кому же, как не им, создать те героические, прекрасные, полные правды и обаяния образы молодых героев, людей коммунистического подвига и примера, которых ждет от литературы читатель! Выполнив эту задачу — значит, выйти на зов и великие времена.

Вместе с письмом Ларисы Саложкиной, присланным мне на редакцию, на мой рабочий стол легла новая книга, пришедшая из ГДР. Это — книга-альбом, посвященная памяти великого поэта современной, демократической Германии Иоганнеса В. Бехера. Листая книгу о Бехере, я обнаружил в ней фото, которое всем своим содержанием «перекликалось» с содержанием письма московской писательницы. Это фото я увидел Бехера выступавшим в 1956 году на немецком писательском съезде. Он стоял на трибуне, а за спиной его высились огромная рабочая руна, державшая раскрытую книгу с ярким и значительным писательско-гуманистическим портретом Манна: «СЕГОДНЯШНИЕ ДЕЛА» — ЭТО ЗАВТРАШНИЕ ДЕЛА».

Мне кажется, что Лариса Саложкина писала свое письмо с полным пониманием этой мудрой мысли. Создайте сегодняшние книги о сегодняшних героях, и вы найдете авторизованного писателя. Она права: она сказать писателям. Я убежден, что каждый писатель от сердца к сердцу поймет и прочтует эту верную мысль.

Но могу не согласиться с Ларисой и в том, что «все статьи вместе лежат на писателях, и вы должны их читать». Она права: дело за писателями. Они создают сегодняшние книги, помогающие завтрашним делам.

ринную усадьбу: высоченные, глухие. Некоторые ажурные. Доната сядет — и все. Доски поставлены наискосок.

— Ветронеправляющие заборы. Самые надежные. Правда, бывает, что и приходится поехать на дороге. Да так, чтоб подвезти ветерона. Открытия в своей комнате форточку, — продолжает Кузьмин. — Если напротив дверь, пошатывает под ней рукой. Там сквозняк. Самое его неистовство.

«Фот», оказывается, для чего они, заборы, что стоишь вдоль дороги, удерживаешь на столбах на высоте доброго третьего этажа. Заполняешь щели под дверью».

И потому нет теперь тех самых четырех тысяч рабочих, которые когда-то ковали с пургой. Кузьмин подчинил сверявший ветер, буйный и дуле неукротимый, своей воле, своим знаниям. Он заставлял его слушать людей. Сквозняк, да, искусственно созданные сквозняки стали собственноручно чистить трассы.

— Мы пока все на синтопикон жалуемся, — продолжает Петр Иванов. — А когда-нибудь без них обходиться будем.

— Вам זאת стурджуиас из-под потолка розоватым светом. А стены его — один огромный щит. На щите — схема города и комбинация да еще Розы Ветров. Вся схема состоит из стовя, а холды, да еще тысячу цветных лампочек.

Но вот там, где отмечен район Каскадного, заморгали все лампочки, образовался гирляндный. Датчики показывают, откуда движется пурга.

— Фронт атаки жесн — спрост Кузьмин у поминика.

— Ясно.

— Вилочай, Сережа.

Замкнул обмотки электромагнитов, и магнитные поля перед обронемагнитными объектами тотчас остаются пургу...

Нет, мы пока не в огромном зале «Магнитной энергетической станции».

— Ментаете!

— Мечтаем. Но мечтаем, так сказать, конкретно. Раз синтопикон содержит электроразряды, значит, синтопикон является с полнотой магнитной энергии. Конечно, нам здесь в одиночку такой задачи не решить. Но если физики помогут... Тогда и сквозняки ни к чему. Вот про это написать стоит. И о Серже Коле. Он у нас самый юный ветерона. Ишь как рассудит! Буде мой воля, на Каскадный. Принял как товарищ. Как ты, Сергей, говоришь о Норильске?

— Нинего городишко. Жить можно.

ГЛАВА О РАЗНЫХ РАДУРКАХ

«Нинего городишко»...

Это высказывание у нашего собеседника, старого норильчанина Павла Сергеевича Нижегородова, вызвало искреннее возмущение.

— Ишь как рассудит! Буде мой воля, на Каскадный. Принял как товарищ. Как ты, Сергей, говоришь о Норильске?

Мы уже знаем, что в разговоре так неистово высказывал слова Сергея. Там было, что парничать до вальки. Комсомольский секретарь. Любит свою работу. В значимый индустриальный готовят

ся. А то, что о городе так отозвался... ну, что особенного! Не Одесса здесь асенти...

— Не Одесса, не Одесск! — горячится Нижегородов. — Это безобразие — так говорить! Мальчишка ваш Кох. Прижатик, понимаешь, на все голубые. Посмотреть бы он, как мы тут живем, как троним... Будет! Вот так тоже Норильск. Понимать надо.

— Мы на медведальничном. Не том самом, где трудятся «главные норильчанине» — металлурги. Но самым северном в мире медведальничном, люди которого крепко держатся друг за друга, не только по плану в пургу, но и на своих рабочих местах, под прикрытие прочных заводских стен и после сна, встречаясь в клубях, библиотеках, в Доме культуры, в спортивной зале или просто за чайной чашкой. Нарядничник, где главенствуют молодежь, где никакая непогода не может помешать выполнению плана, где высокое здание коммунистических носят многие бригады и даже целые цеха.

Час назад молоденький, щеголявший инженер вошел как по заводу. Между кирчичными корпусами гулял ветер. Залезал в рукава, ноющей болью сковывал лоб. Деревянные колонны.

Посреди заводского двора чудовищной колонной, одной из ступенчатых, стояла стометровая труба. Вверх уходящая лестница. И возникло дикое желание взобраться по ней на казюшную высоту крохотной площадки.

Инженер засмеялся.

**КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ —
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ДЕЛА**

«Те высшие учебные заведения, которые имеют свою базу, солидные лаборатории, надо загрузить заказами, чтобы и здесь научные работники активнее участвовали в создании новых образцов техники, необходимой народному хозяйству».

Н. С. ХРУЩЕВ.

(На речи на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 года.)

ЕСТЬ ТАКОЙ ЗАВОД В ИВА

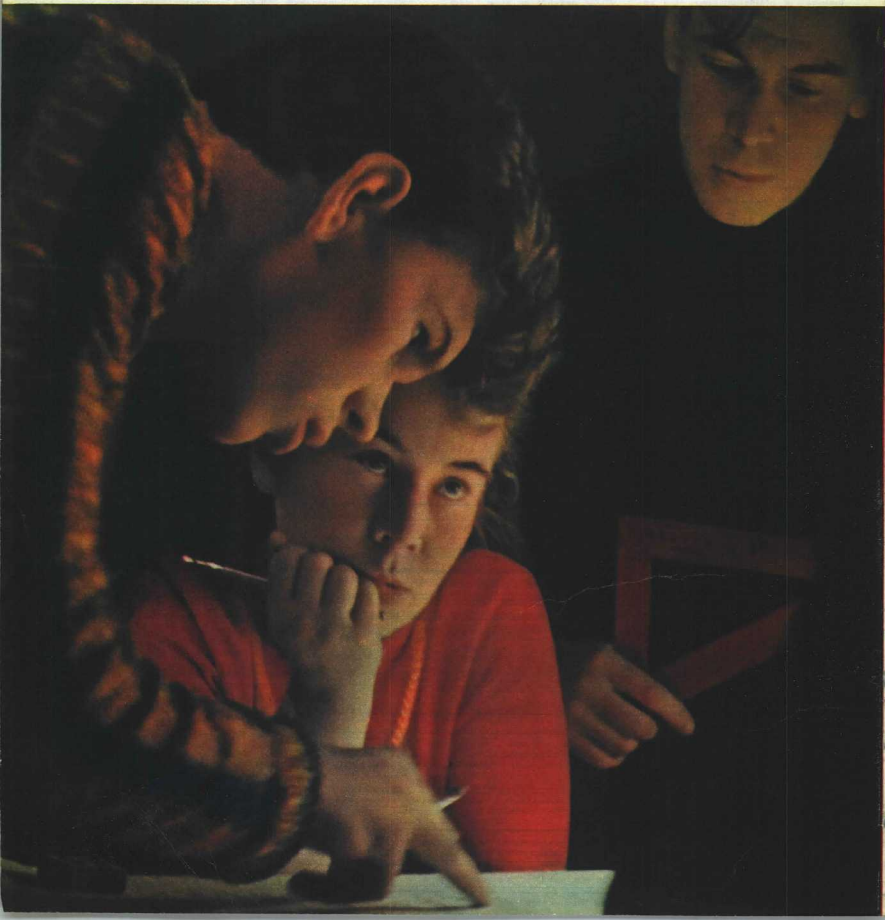

Фото В. МИШИНА

НОВЕ...

Не пытаетесь найти этот завод в списках машиностроительных предприятий страны или хотя бы в перечне заводов города Магнитогорска. Между тем он работает, выпускает продукцию и даже расцвет.

Что же это за «сверхкрасное» предприятие? Ларин открываетประตู жилищного завода, в моторном мы хотим рассказать, является Ивановский энергетический институт имени В. И. Ленина. И работают здесь студенты, будущие инженеры-энергетики.

Правда, на табличке у входа вместо слова «завод» написано «УПМ» — учебно-производственный мастерские. Название это не только случайное, но и попросту неточное. Судите сами: разве могут обычные учебные мастерские выпускать за год четыре с половиной тысячи электродвигателей для тысяч станков, доильных аппаратов «качан» и «карусель»? Да и под силу ли мастерам, и тому же учебным, совершенствовать конструкцию моторов, создавать свое, оригинальное и экономичную модель двигателя?

Поворот просторного институтского коридора — и вы шагаете навстречу сосредоточенному гулу промышленного предприятия. Несколько шагов — и стены словно раздвигаются перед вами. Густо дохнула запахом горячего металла, слышны, во весь голос жором гремят токарные, фрезерные, сверлильные станки.

Камне же это учебные мастерские! По просторному цеху медленно движется поток моторов. У дальней стены дожидаются своей очереди на обработку чугунные станины будущих моторов. Потом — обмотка. Здесь идет подготовка так называемой активной части двигателя — ротора его сердца. Оно состоит из бесчисленных, зависловых переплетений — электроносных сосудов — проводов, плотно облегающих статор. Дальше разрозненные узлы собираются в двигатель.

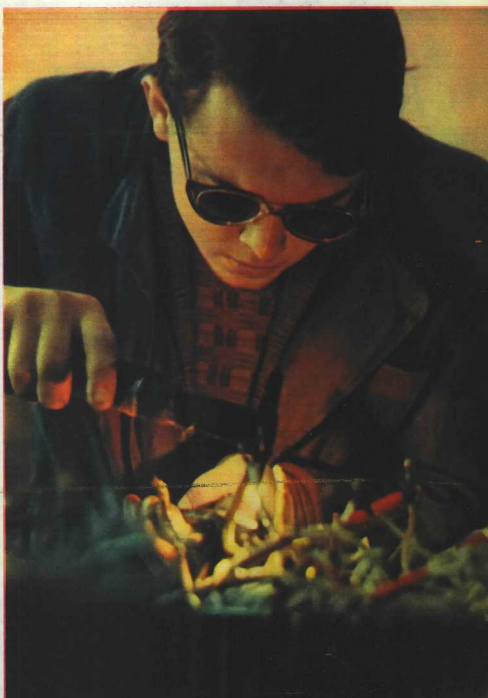
И все это — от первой операции до последней — делают будущие инженеры-энергетики. Немало любящих их сноровкой, уверенной и веселой легкостью движения, которая под стать только умелому, знающему свое дело рабочему человеку.

— Позвольте, а где же ученики, которые обязательно должны быть в учебных мастерских?

— Ученики! — переспрашивает Таймураз Темиро-

Так начинается иногда студенческий день. Вместо аудитория — а цех своего завода.

Студент или рабочий? И студент и рабочий.

«Ведущие конструкторы» Ижевского энергетического института имени В. И. Ленина — студенты Валерий Кузнецов, Мария Тихомирова и Слава Ларин — работают над проектом переработки печей ижевских заводов на газовой топливе.

Лекции проходят прямо в цехах. Директор студческого завода Таймураз Теширочив Камбегов знакомит первокурсников А. Коновалова, Ю. Сухова, А. Смирнова и В. Захарюхина со сборкой мотора.

вич Камбегов. — Учеников у нас нет уже три месяца. Все наши студенты имеют производственные задания. Первокурсники получили их в середине своего первого учебного года... А порядку нас такой полтора года реалы работают дома здесь, а цехах, а вечерами учатся в институте. И только второкурсники переходят на дневную учебу с отрывом от производства.

Таймураз Камбегов, директор студческого завода, сам недавно учился в этом же институте. Директорский стаж Камбегова невелик — всего четыре года. Четыре года назад к одному из корпусов Ивановского энергетического института была сделана пристройка. Здесь и разместился учебно-производственный мастерские, май, как сразу окрестили их в Иваново, студенческий завод. И усилия на первых порах это было маленькое предприятие, его продукция — электродвигатели — довольно быстро снискала себе добрую славу на тизнцах фабрик Иваново.

На заводе сразу же развилась научная и конструкторская работа студентов.

— Вот, полубоипроставляю, — развешивает чертеж заведующий лабораторией электротехнических машин и аппаратов института Александр Николаевич Мартынов. — На первый взгляд обычный мотор, да? Но если разобраться, есть, и весьма существенная, прибавка и пренной конструкции. Вот она: научный образ, своеобразный вентилятор, придумательное охлаждение. Делать это нововарение неважно. Наш двигатель способен сообщить тягачу самую высокую обороты. Кстати, этот вентилятор, — продолжал Мартынов, —

Не в тишине библиотек, а на студенческом заводе рождаются дипломные работы. На снимке Виктор Гусakov (слева) и Лев Кочетков.

Дипломная работа пятикурсников Рудольфа Каминского и Вадима Букакина не будет входить на архивной полке. Ее едут на производство.

плодная работа наших студентов Матейника и Мишукова. Но не только они трудились над этим усовершенствованием. По крайней мере пятнадцать студентов разрабатывали курсовые проекты по отдельным узлам модернизированного двигателя. Другие, уже на станках, воплощали эти проекты в жизнь. Восемнадцать опытных образцов мотора сделаны у нас. На Ивановской хлорцеллюлозном комбинате они показали себя отлично.

Студенты сроднились со своим заводом, полюбили его. Вот почему они думают не только о г настоящем, но и о будущем. В прошлом году студент Колескин защитил дипломный проект «Реконструкция УТМ института на базе имеющихся площадей».

Я заинтересовался судьбой этого проекта у Владимира Михайловича Шибанова — главного технолога Студенческого предприятия.

— Используя проект Колескина, — сказал Владимир Михайлович, — мы уже в этом году на тридцать процентов увеличим выпуск продукции.

Растет студенческий завод. Намечено строительство нового корпуса. Это в пять раз расширит производственные площади предприятия. Вот тогда появится новый цех, спроектированный студентом Шемановым, и конструкторское бюро.

Здесь все — от проектных поисков новых электрических машин до новых цехов — дело рук юношей и девушек, сегодняшних студентов и рабочих своего завода, завтрашних инженеров.

г. Иваново. А. ЗВЕНТОВ

ПОРТ, ГДЕ МЫ

Евгений СИГАРЕВ

В СЕВЕРО-КУРИЛЬСКЕ

Вырыты в снегу и домам тоннели. Пирс Бортыми сейнеров истерт. В дождь февральский, в майские метели

Звонкую шугу качает порт.
Не беда, что ветры колорабрат,
И сулом — тоже не беда.
Каждый день суда на ло уходят.
Не приходит с лоа иногда...
Здесь не любят обходить маяком,
За туго на дрежат лошуу.
Емси ангов, говорят: «Навалом!»
Вместо яды привично бросат муга...
Если в отпуск — сразу на полгода,
Полопам с товарищем невгоди,
Есмн праздник — стоп черкаты на всех.
Полопам с товарищем успех.
Крепких слов не держат под запором,
Уважают труд, а не чины.
Здесь не климат ловким гастролерам:
Люди — не сезонники —
нужны.

На причал выводят кроболюв,
Рыбам, зароскам до гла.
Тоннами беруче улова,
Ящичками — пива про запас.
Не из-за подьяных по вербоке
Насту обломашные рога,
Соят рыбу девучки в снеговах,
Парни в инвентарных сапогах.
Днями — в цехе, вечерами — в школе,
А в субботу, епо желанью мессе,
Для бана клубный радиово,
Соревнух, вторат на завак.
И девчонка — фея с самосвала —
Нам кричит, улыбку блескует:
— Приходите в клуб, девчат навалом!
— А сама-то будешь в клубе?
— Ну!

А знаешь, юность с нами
не расстанет!
Она вела нас в девятнадцать лет!
На яростные диспуты, на танцы,
С Сашоном угорала маршкет.
Мы гордо шеголяли в робе доброй.
Несведущих сражкая наповал,
Шлангутаами собственные ребра
И нос форштевнем каждому называл.
Нас каптан учил суровой даской,
Познали мы, что в жизни лучше смеять,
Чем жить с оглядкой,
Говорить с опаской,
На откровенность права не иметь.

В походах стали сдерживанной и строже,
Но нам, как и в студенческие дни,
О счастье спор задиристой дорожке
Эпически-спокойной болтовни.

Родились и живем такими, что ли,
Что не выносишь скуки и зыбля.
И зря зовут на сиее застолье
Недолгие застольные друзья.

1 Особый тип волнения в море, при котором его поверхность как бы кипит, образуя волны в водоторо.

ПРИПИСАНЫ

Нам дорог след, что за кормою
И твердый юст, и штурм...
Да что слова!
Я знаю: с нами юность не расстанется,
Пока в душе романтика жива.

* * *

Как в пазлах, рукой нам не машут
Гласа на прощание платочком на троту,
Курльским тейфунном ребят
привчала
Нелегкая служба — обидный труд.
Все прощсе бывает.

Другая для горькая
Желают побольше водки под киём.
И пенят волну плавниными косами,
В кильватер идущие за кораблем.
В каноэ привычно качается воздух.
Борта обметала морозная сыпь.
Подветренных чутки бяюкая отды,
Томительно качится мертвая зыбь.
Курсограф на ленте выводит кривые.
И штурвал, в журнал записав

поворот,
Для слова «любовь» аэтомолку
Душевному рифму заносит в блокнот.
В стихах его будут и чайки и волны,
Механи вздохнет знаменитый баш.
...А то, что частично приходится

солону,
Так это же проза.
На то океан.
На то наше мужество в буднях
крепчалю,
И знаем мы, как закатается стель.
Вот только рукой нам не машут
с причале...
Хоть это из песни, а все-таки жаль.

* * *

Пена стелется...
Пена стелется...
В клонки лед зножал юрба.
Бьет в наушники треском и швелстом
Ночь

на первое
авара.
Заблудившись ветром и вальсам,
Прогит басом: — Налей полней...
Мы штурмом.
Мы ходим гапсам,
Тыквз заварку, как юны, черную,
Воплем выюга зашлась

по загубленным.
Выбран верный курс — напролом.
Плуглом с голозой стругливиной
Бытсы пощца под столом.
Карта сорвана,
Циркуль — в сторону,
Плывет Виттон снег на воде.
Пым заварку, как юны, черную,
От боссоничию обдава.
Вновь для нас, Нептуну помозаников,
Календарным датам назоло,
В президиум — будни,
А в будни — праздники.
Видно, как уж нам повезло.
Но не надежд покоя уютного,
Это выдулам кто-то зря.

Пожалуйте нам ветра попутного
В ночь
на первое авара.

Э два над горами поднималась желтая,
подвратная луна, покаяная на повоинь-
го голландского слара, как в кивальской
ваше начинала высветлять онамале
словами. И вес лез заглавался и пере-
щелкивала до самой утренней зары.

Удивительно стоила порой. Трението искрился
над Черноморским лутиным аэрапальское юны. Звезда
ночь пронизывали первые летучие мыши,
стремительные и легкие, как беспечные мысли.
Порой в темлом воздухе с надсадным гулением
пронеслись невнятные жуки-носороги, и тогда
казалось, что далеко в темной вышине галмуют пе-
регуженные бомбовозы. А солонны все пели и
пели...

Разрываются, окаянные! проворчал мой
сосед, выходя на крыльцо. В труготном выресе
его исподней рубашки перманентно желтеа ко-
жа. — Разве за юны успеешь?

Он был прав. За всю жизнь мне не приходило
смышлять ничего подобного. В это время года я
впервые приезжал в Зету — маленькое поселение,
насыщающееся немногим более полуостри строений.
Дом отдался бы еще на ремонт, и поэтому
все местные жители были на выку. В курортной
сезон они, как правило, растворяются в дестрой
и шумной массе отдыхающих.

Мой сосед задохнуа и опустился на ступеньки
крыльца. Этого человека все называли просто
Петровичем. Работал он шофером в доме отдалка.
На юна ему было лет под пятьдесят. Немецкого
роста, щуплый и сутулыватый, он при первом знаком-
стве оглушил меня своим могучим болгарским
бесом. Голос Петровича явно не соответствовал
его скромной внешности. Казалось, он предваз-
начался совсем другому лицу и Петровичу доста-
лся чисто случайно.

Говорили, что семья его пошла в годы войны.
А возможно, все это было досужим вымыслом,
которым люди пытались объяснить некоторые
странности моего соседа. Жил он один в малень-
кой комнатке, стены которой были сплошь
оклеены картинками из иллюстрированных жур-
налов. Здесь можно было увидеть и медведя Грен-
ландии, и сахарные лаванчики Кубы, и стадион в
Мельбурне, и даже портрет Валя Кличера. Это был
большой, многоголосый мир, витиснувшийся в де-
вять квадратных метров.

В закутке за холодильником на некрашеном табурете
стоял звонкий магнитофон. Я долго не мог по-
нять, для чего он нужен моему соседу. Что он
мог записывать на магнитную ленту: словачные
песни, дурак дождя, свист ветра или шум мор-
ского прибоя? Электричество в Зете давали толь-
ко по вечерам и в час обеденного перерыва. Но
оказалось, что и этого времени Петровичу было
достаточно. Дни он невдало забегала домой, и
тогда в маленькой комнате слышался его сильный
голос. Петрович пел. Голос у него был сильный,
но такой глухой, что казалась, будто шофер кри-
чит в пустую железную бочку. Слух он имел не-
важный и часто фальшивил, но одно не выказало
сомнений: певце доставало ему громадное удо-
вольствие.
А вечером, придя с работы, мой сосед ложился
на постель и включал запись. Голос в динамике

звучал как-то по-новому, и Петровичу казалось,
что вот совсем другой человек.

Сейчас он сидел на крыльце, задумчиво глядя
на темное небо.

— Завтра концерт самодеятельности в клубе... —
наконец сказал он. — Приходите. Верка Марти-
кова поет. Такое и городскому не без интереса.
Верка... О ней я слышал уже не впервые. «Вот
поет, вот поет девка!» — говорили в семени. Я
знал, что она считается лучшей звенелой в кол-
хозе, что у нее веселый, общительный характер
и что любит ее здесь все без исключения. Роми-
телей у Верки не было. Жила она у соседа Алек-
сандра, которые занимали длинный саманный дом,
покойный на временный барак. Дядя было трою,
и каждый из них утверждал, что вывел девушку
в люди именно он. В свое время дом перешел им
по наследству. По мере прибывания новых чле-
нов семьи он рос в длину. Поскольку краску для
жестяной кровли дядки покупали в разных мес-
тах и в разное время, а может быть, просто из
чувства солидарности, крыша шла каждая из
трех частей дома была выкрашена в разные цв-
та — в зеленый, красный и синий. Сверху дом
был похож на лопатку тресхайского мармалада.

По дядям мне часто приходилось бывать и на
винограднике и на пляжке, но встретиться с
Веркой удалось только однажды. У нее были
густые темные волосы, стывающие на затылке
выделенные красной ленточкой, и зеленово-си-
ней голова цвета молодого купороса. Веркине щеки
под тяжестью дремучих ресниц были всегда легки
и опущены, и это правдало Веркиным гласам
легкомысленно-итривое выражение. Кожа у нее
была смуглой, как у цыганки. Рукиные на щеках
дыла ее или крем и запоминаясь. Тонкая
фигурка девушки казалась выточенной из яла-
сандра.

Петрович не случайно заговорил о ней. Хотя
сам он не пел со сцены, не пелась, но жонглро-
вал графинем на бамбуковой палке, но во всем
здесь был его труд, его энергия, живая частичка
его самого. Верка была его горласткой, и говорил он
о ней с какой-то особой, трогательной нежностью,
которую трудно было осмыслить от этого замучен-
го, ямсающего человека. При этом мой сосед даже
слегка краснел.

Приглашение Петровича я принял с одавлени-
ем. На самодеятельный вечер мне отправлялся с
ним в дом отдалка. Улица освещалась плохо, и мы
поминутно спотыкались об острые камни.
Луна еще не успела появиться, но море уже играло
серебристыми чешуйчатом блеском.
Знак был полог. На концерт собрался зети-
ские холхозники и сотрудники дома отдалка. Ре-
петишки, которым не хватало места, усаелись пря-
мо в проходе на выку. Палочко пютом и трюном
одеждоком. Без особого внимания и интереса
слушав я первые выступления. Я ждал Верку. У меня
было чувство, будто я присутствую при рождении
талянта, открыть который по-настоящему сужде-
но именно мне.

И вот наконец паренек в сером костюме, с
неумело повязанным галстуком, объявил:
— Хор. Запеваает Вера Мартикова!
Аплодисменты меня оглушили. Петрович, ям-

Юрий АБДАШЕВ

Рисуюн В. КАРАБУТА,

РАССКАЗ

бась и поглаживая намекающуюся лысину, толкнула меня локтем и по-приятельски подмигнула. Сегодня си была в новой сорочке и аккуратно отглаженных брюках. Человек в красной шелковой косоворотке, привалявшись щекой к банну, расставил миски. Я приставилно смотрел на Вэру и слушал.

— Без конца по селу разговаривать. Писать, девки идут прямо в гору. Приходите свататься, да я не стану прятаться, да я невеста неплохая... Выбирало женика...

Пела она с огоньком, заодно, прищепкивая пальцами и поводя пальчиком. Смотреть на нее было приятно и жеско. В жизни я слышал десятки людей, неших куда лучше, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь вносил в песню столько света, идущего прямо от сердца. Во всем этом было что-то невероятное, вдалушке. Ей хотелось слушать без конца. Голос у Вэры был негромкий, и тем не менее сидевших в зале но

показало ощущение сдержанной смех, которая грозила вот-вот прорваться наружу.

Когда мы возвращались с концерта, Петрович, загадывая мне в лицо, допытывался:

— Ну как? — И, не дожидаясь ответа, договаривала за меня: — Здорово, ей-богу, здорово! Молодец девка! На той неделе поедем в союз с самодеятельной бригадой, там она покажет...

— Ей бы учиться, — сказала я.

— Она будет вот увидит.

— А не жаль отлучать отсюда? — усмехнулся я.

В темноте мне показалось, что губы Петровича дрогнули. Судяко ответил он твердо:

— Неао.

Да, теперь я мог убедиться: этот человек бескорыстно любит искусство.

На берегу кто-то жег факел. Слышался крик зорота и неслышимые выкрики. Громеда цепь. В свете дымного пламени по камням прыгали длинные тени. Петрович вдруг остановился.

— Что вы там увидите? — спросил я. Мой сосед, ответил не сразу. Кажется, он не может перенести дух.

Вам, — наконец произнес он.

Это странное слово напомнило звук судовых склянок.

— Что это значит? — не понял я.

— Баркас моторный.

Он впадуна и снова двинулся вверх по тропинке. Только подошел к дому, Петрович остановился и сказал с неинтересной торжественностью:

— Ойть с Лымых скали пришла Васька Процеда. Я знал, что Лымых скалами называют дальний мыс, за которым располагается лютый стая рыболовецкой бригады. По прямой до него было не меньше десяти километров. Я часто видел, как вечером там плащилось о воду малновое солнце.

— А кто он такой, этот Васька?

— Моторист на Баме. Тыш! Приедет, понимаешь, на кедало и спунит девчонке мочку.

Я не стал спрашивать, какую девчонку он имеет в виду. Было и без того ясно, что речь идет о Вэре. Только почему руководителю самодеятельности так волновали сердечные дела его подопечных?

— Я уже и с кохозом переговоры вел, чтобы в Воронже ее послать. Послушан бы в хоре. Может, и взвал бы. А тут на тебе...

На следующий вечер к нашему дому подошел невеселый коренастый парень. У него была такая крепкая, тугая шея, незаметно переходящая в сжатый затылок, что незвольно хотелось шагнуть по ней адономо. В руке парень держал ведрерко с крупной ставридой. Чешуя у рыбы отвалила радугой, словно перед этим она плавала в нефти. Из комнаты неслись звуки магнитофона.

Глухим голосом Петровича динамики фальшиво пели «Песнь варяжского гостя». Я знал, что в эту минуту мой сосед лежит на постели с закрытыми глазами и вздыхает о чем-то, известном ему одному.

— Рыбы надо? — спросил парень, уямбася. Улыбка казалась смертно припечатанной к его лицу. По описанию я сразу догадался, что передо мной Васька Процеда.

Мне не очень хотелось рыбы, но посмотреть на Ваську было любопытно. Поэтому я ответил:

— Выбери одну, получше.

Васька, нагнувшийся было к ведру, прислушался. Кивнул на дом, он спросил:

— А этот все на луту вост?

Я покачал плечами. Пока он перебирал рыбу своими крепкими пальцами с обманчивыми нотками, к калитке подошел Петрович.

— Продашь? — спросил он с саркастической усмешкой. — Колхозную?

— Другой теперь нету, — ответил Васька.

Он беззвучно засмеялся. Губы его при этом раставуались, и между ними блистали два сонмнутых ряда чуть желтоватых зубов. Кажется, будто рот его застегнут замком «моляня».

— Деньги нужны, — признался Васька.

— Может, одажить? — прищурился Петрович.

Вашым на беру, — ответил Васька, по-прежнему уямбася. — Берешь на время, отдашь навсегда.

Он наморщил низкий мясистый лоб, обвел взглядом

дом горизонт и втянул воздух широкими ноздрями.

— Ночью был туман? — сказал он скорее для себя, чем для нас.

— Я не помню, — сказала головой, но Васка не обратил на меня внимания. Он взял протынутые дебри и подхватил ведро.

— Так-то вот, — усмеялся он в лицо Петровичу. — Не гнуть же баркас из-за десятка рыбешек. Дней вперед и много.

— Стало быть, надого пожаловали! — с ехидцей спросил Петрович.

Пока не надоест, — объяснили моторист. Он махнул рукой в сторону по тропинке назад.

Вечером мы с Петровичем снова сидели на крыльце. Словы выводили виртуозные трели — бубняли, свистели и дещали на разные лады. В лунном свете дубовая арка на крыльце казалась облитой сусальным золотом.

— Почему вас так встревожил приезд этого парня? — спросил я.

Петрович поднял на меня губками судачье глаз, и в кодык на его горле судорожно дернулся.

— Приезжал она в прошлом году. Стоял около месяца. Все вечера он возле Верки окопачивался. Руководитель хора за голову хватался. Завладела девка оркестрицей. — Подвер неожиданно дернулся, и шепотом добавил, не зря он человек, и зря Верка. Погубит девчонку не за попойку табачку. И чего она в нем нашла?

Опасения Петровича, видимо, были основательными. На следующий день я отправился по делам к зетинскому бригадиру. День был воскресный, и спать не приходилось. Прочествовав Васку было: над свежим снегом густой мочалочный туман. Он забавился в гордо, как чумацкий паук. Было трудно дышать. Мороз я не видел. Только времянка с той стороны доносились удары волнового наката и тревожные гулки паровозов, ошупью проламывались себе путь. Законные контуры деревьев принажились к стволу, распадались в туманную форму. Все вокруг казалось бесшумным и зыбким.

Проходя мимо длинного саманного дома с трехцветной крышей, увидел Васку и моториста. Они стояли об обестороны плечами. Туман изменил не только окраску, но и окраску предметов. Смуглое лицо Верки выглядело неестественно бледным, а обветренная физиономия моториста была грубо замаскирована серым камнем. Черты были резкими и глубокими, лишены пологости. К нижней губе прилепла недокуренная сигарета. Васка стоял, пригваздываясь плечом к плетью и картинно отворачиваясь. Верки, видимо, была без кислорода, и темные волосы ее в тумане казались посеребренными ранней дымкой. На руках она держала пушистый дымчатого котенка. А может статься, при солнечном освещении он оказался бы рыжим, кто его знает...

Увидев меня, Васка Процела ристнула в улыбке резнойной рот, и снова его губы наполнились смехом «мочало». Верка, Верку и моториста, са-би и не была знакома со мной. Наверное, так же бездумно и доброжелательно она здоровалась с солнечным утром, травой и птицами.

Мысль, одажиды высказанной Петровичем, пришла мне в голову, что в нем вилась Верка? При всем желании на скульптурном лице моториста я не мог отыскать заметных черт «могучего интеллектуала». Он весь казался омертвлением грубой усталости. По словам моториста, Верка, видимо, была неуподобленной дочкой. Она много танцевала, любила музыку. И тем не менее в ее глазах, обращенных на Васку, застыло выражение преданной покорности.

В это время где-то невдалеке от берега протяжно звякала сирена. Васка исторжился. Речью проявилась на абу глубокая морщина. Он оттолкнулся от плетня и сплунду пригнувшись к губе шипящий слым. По словам моториста, Верка, видимо, была неуподобленной дочкой. Она много танцевала, любила музыку. И тем не менее в ее глазах, обращенных на Васку, застыло выражение преданной покорности.

Мы с девчушкой перегалялись и молча последовали за ними, а уже минуту спустя бежали, прыгая через комочки кустов и ежевики.

По морю шла мертвая зыбь. Ледяные валам с прохолодом накатывались на берег, и мелчайшие волныяны пыль, смывавшаяся с тучи, выливалась в водолучье. Тут уже толпалось десятка два альбатусов. Возле чайной стопа автобус Петровича. Поиская глазами, я увидел моего соседа. Он подошел, змбю поводя ладонью по щекам, и спросил: «Что-то случилось?» спросил я, кинул в сторону моря.

Катер какой-то подошел и не может из-за волн. С тургистами, кто был. Турки, прихватили, вот и решили пригнаться, переждать.

Снова доносся заунывный вой сирены, и в густом тумане возник скошенный нос большого катера. Сирена, очевидно, молчала, и катер выкатился на высокой волне. Так и думалось, что сейчас его положит на береговые камни.

— Эй, прикинь чалку! — доносилось с катера. Это услышал я, потому что лежал, будто человек, в воде. Катер, видимо, не мог выкатиться на высокую волну. Так и думалось, что сейчас его положит на береговые камни.

Стало видно, как фигура на носу, примериваясь, раскручивает в воздухе конец троса. Все вокруг мне напряженно казалось за человека на катере. Трос, видимо, зацепился за какой-нибудь предмет на берегу, но не достиг до берега десяти шагов, напустился в воду.

Люди instinctивно качнулись вперед, но тут же остановились, и споткнувшись, опираясь друг на друга, только одна ринулась через эту преграду — Васка. Он шел к берегу тяжело, взрывался, и серый камешек-трескун крошился под его ногами. Заметив моториста, человек на носу стал знакомым подымать его ближе. Он смелно забрался к себе рукой. Как ручной медведь, выпрыгивавший подальше.

Второй раз чалка ушла еще дальше: катер отпустил трос, не раздумывая, шагнул в туман. Он осторожно двинулся вперед, выткнул палец собой руки. Дает-то у железных быков море выдохнуть огромную серую волну. Приближаясь, она становилась все круче и мрачнее.

Я взглянул на Верку. Она прощелала моториста поземненным глазами, прижав к горлу маленькие кулачки.

Литая волна выкатилась Васку с головой, но череп моториста, он уже поднялся по ту сторону пенного гребня и ухватила чалку. На берет он набрался с трудом. Волна лая с него ругаясь, выслезивалась из сапог. Первый к нему подбежала «черда». Она приняла тонкий алик и начала бить по воде. Если бы из воды не вылетел короткий пенный трос. Только тут алик спохватнулся и кинулся ей на помощь. Васка сидел на камнях и выжидал из сапог волну...

А вот сейчас, когда я размышляла над всем этим, с улицы посыпалась голова и жалкое шипение на ступеньках. Петрович вел к себе какой-то пост. Это было нарушением обычных правил. В тот момент, когда я размышляла над всем этим, с улицы посыпалась голова и жалкое шипение на ступеньках. Петрович вел к себе какой-то пост. Это было нарушением обычных правил. В тот момент, когда я размышляла над всем этим, с улицы посыпалась голова и жалкое шипение на ступеньках. Петрович вел к себе какой-то пост. Это было нарушением обычных правил.

— Значит, решай окончательно! — Я с трудом узнала голос Петровича.

— Мне объяснил моторист. Значит Васка, он просто кинул головой.

— Но ты поминешь, на это понадобится много денег?

— Как не поинять, — ответил тот. Я догадалась, что это Васка Процела — Новыми сотпи на две вытпнет...

Я несамой прикрыла око. Бедная Петрович! Чего ради решил обьясниться с этим истериком? Мне объяснил моторист. Значит Васка, он просто кинул головой.

— Ну ты поминешь, на это понадобится много денег?

— Как не поинять, — ответил тот. Я догадалась, что это Васка Процела — Новыми сотпи на две вытпнет...

Я несамой прикрыла око. Бедная Петрович! Чего ради решил обьясниться с этим истериком? Мне объяснил моторист. Значит Васка, он просто кинул головой.

— Ну ты поминешь, на это понадобится много денег?

— Как не поинять, — ответил тот. Я догадалась, что это Васка Процела — Новыми сотпи на две вытпнет...

Я несамой прикрыла око. Бедная Петрович! Чего ради решил обьясниться с этим истериком? Мне объяснил моторист. Значит Васка, он просто кинул головой.

— Ну ты поминешь, на это понадобится много денег?

— Как не поинять, — ответил тот. Я догадалась, что это Васка Процела — Новыми сотпи на две вытпнет...

был не первым, кто надоедал ей своими советами? Она сказала, что слышала, слышала у дороги, и молча пошла к ним по извилистому междурядью. Когда мы уехали, я спросил ее например:

— Уезжайте!

Она поджала плечами.

— Ты можешь отсюда поглядеть потом. — Я хотел мрачными красками описать жизнь, которая ожидает ее на Алмьх скалах, об отроках возможности, которые она может упустить, но вместо этого затонул сонмом о другом. Не знаю, как это получилось, но почему-то стала рассказывать местный казначей и порядок на виноградниках. Эти ни к чему не обязывающие слова вылетали из ее рта, и молча поимно молча. Верка рассеянно покачивала головой.

— Ты не слушаешь меня?

— Нетнет, почему же? — встрепенулась девушка. Она посмотрела мне в глаза и рассмеялась...

...и вернулся лодкой назад, когда там уже было немного тумана. Перед глазами стояло Верки лицо с тенью синиходящей улыбки.

Можно было подумать, что она знает что-то такое, чего не знали ни я, ни Петрович.

Через открытое око к комнате доносились переборы далекой гармошки. А потом я услышал Беркин голос. Его бы я не спутал с голосами других людей. Берка, видимо, воронжеские привнеси. Слова были озорные, наменательные. Голос напоминал за темноты и замрала где-то в уют комнате. По всему чувствовалось, что это весело, что по-настоящему сыстемат. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

Я оделся и вышел на крыльцо. По тропинке, ведущей к морю, кто-то спускался. Сквозь ветви аленевей я мог различить только две мелководные ямки на выветренном камне. Наминившись за день, я тоже заснул, так и не услышав о ней больше.

Проминула я равные обычно. Солнце еще не взошло, но storm стовен на вершине горы уже окрасились багряными отсветами кинолара. Тава ночной туман.

ДАЖЕ ЕСЛИ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ...

А двадцать часов ноль-ноль вынут по местному времени. Так, по-военному, именуется на границе мирные восемь часов вечера. В это время начинаются пограничные сутки, начинается 24-часовая вахта мужественных и бесстрашных людей, стоящих на страже государственной границы СССР.

Поймите скульптуру воина, зорно смотрящего вдаль, что стоит на станции метро «Площадь Революции»? Это пограничник тридцатых годов. Но и в наши дни образ часового границы связывается с таким же настроенным и мужественным человеком. И пусть пограничная служба сейчас — это сложная техника, быстроходные корабли, самолеты и вертолеты, специальная электроника, все равно главная фигура на границе — человек. Может бесконечно совершенствоваться техника, но мужество человека, мужество солдата остаются.

Немного более года назад в президиум XIV съезда ВЛКСМ с дальних Курил на имя делегата съезда пограничника Юрия Марченко поступила телеграмма:

«Передая товарищам, Юра, что они могут работать спокойно. Если надо, — мы за этот покой отдадим свои жизни».

И отдавали... История пограничных войск знает немало таких случаев. Наверно зачислены в списки погранотрядов Михаила Козлов, Иван Васюко и другие, грудью защищавшие священные рубежи Родины.

...Стрелиться с майором Сергеевым мы договорились по телефону. Майор оказался совсем молодым. На его груди новосолонский значок. Он помощник начальника Политического управления пограничных войск по комсомольской работе. Сергеев часто бывает на заставах. Поэтому в ожидании услышать от Валентина Михайловича рассказ о героизме пограничника.

И не ошибся.
— Есть в Тихом океане остров, — начал Сергеев. — Далеко от островков это, а просто скала, камень, что торчит из воды, — пятисот на пятисот метров. И рядом проходит граница. Там наши ребята. Преставляете мысль на такой скале? А ребята привезли землю с континента и посадили цветы...

Мой карандаш повисает в воздухе. Сергеев усмехается.

— Вы думали, я вам о диверсантах рассказываю, а я — про цветы. Ну что же, и в этом тоже мысль пограничника. И героизм, между прочим, и романтика. Идут они не менее интрижно, чем мы с вами. Я видел журналы, которые они выписывают: «Советская музыка», «Театр», «Математика». И диспуты устраивают, и о книжках спорят, вот и цветы. И все это на маленьком голем камне. Разве нет здесь мужества? Вот смотрите...

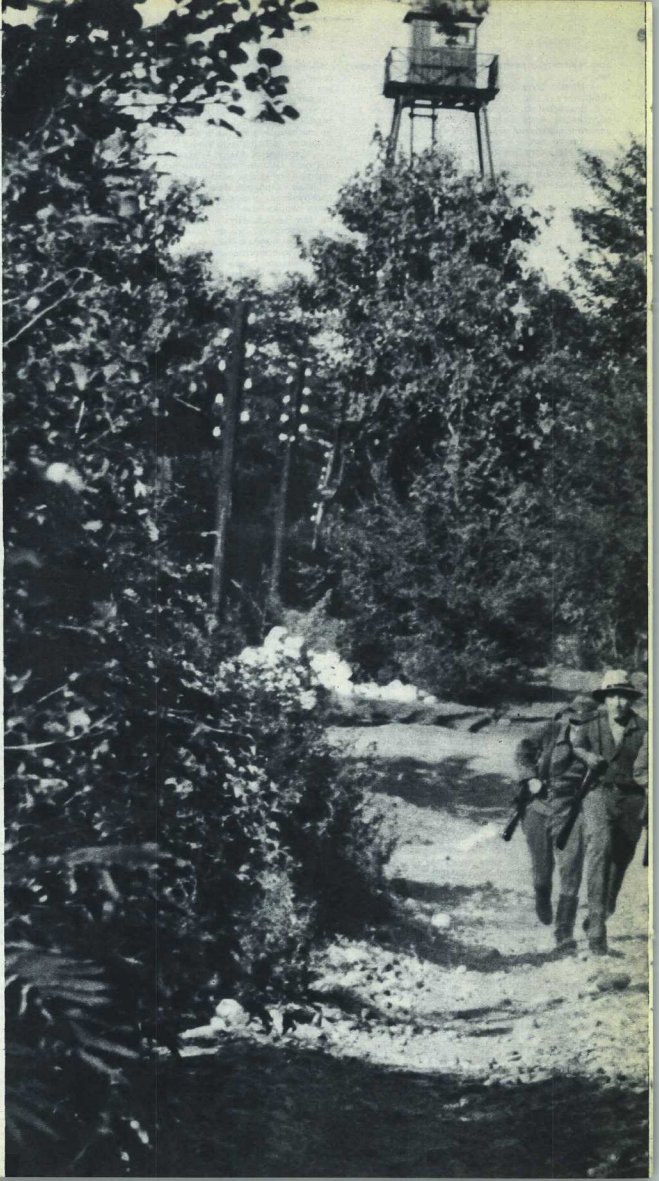
Мы подходим к огромной карте Союз.

— Граница — линия прихотливая. Она и по ущелью может пройти, и по вулкану, и по таким местам, куда даже орел не залетает, а человек и подавно не заглядывает. А пограничники живут там и несут службу. И глухие места эти становятся их домом, и защищать они их будут до последней капли крови.

Надано и был на южной границе, на одной далекой горной заставе. Здесь уже много лет — ни одного задержания. Но живут здесь, по-моему, настоящие герои. Каждый день — зной ли, мороз, вьюга — ребята идут на пост, взбираются на почти отвесную скалу. Для чьих-то метров, четыре тысячи ступеней, сбитых из колышек. Поклади их — не поймут. Обычная пограничная служба. Обычное мужество.

Конечно же, замечивает майор Сергеев, — пограничный героизм — это и героизм в полевых и горных и востры в темноте. Но это и обычная служба, будничная жизнь пограничников. Если в ней и нет никаких особенных событий, героизм все равно есть. Даже если ничего не случилось...

И. ВЛАДИМИРОВ

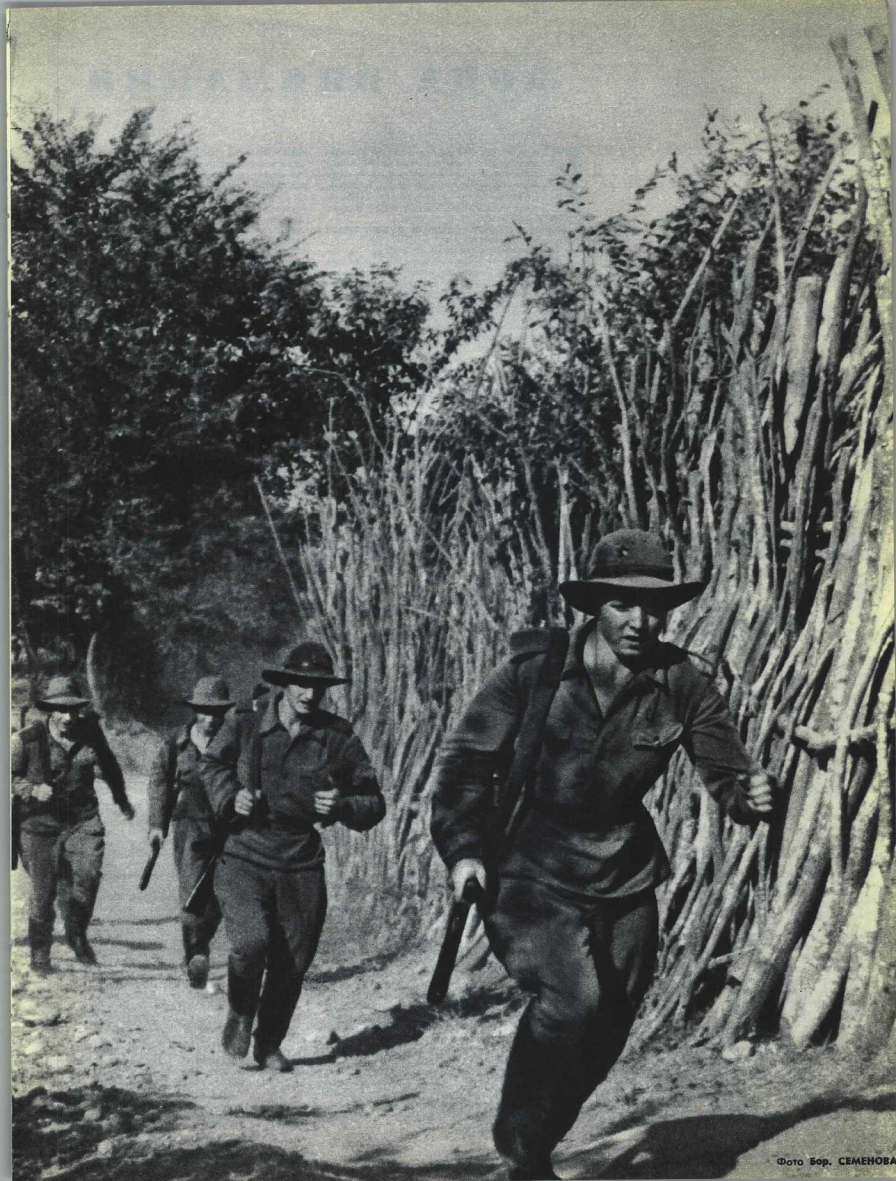

Фото Бор. СЕМЕНОВА

«Главное в строительстве коммунизма — это создание материально-технической базы. Но есть и другая, очень важная сторона — это воспитание нового человека, который относился бы к труду, к своим обязанностям в обществе по-коммунистически.»

Н. С. ХРУЩЕВ

(Из речи на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 года).

Много, должно быть, помнят портреты братьев Корных работы М. В. Нестерова, находящийся в Третьяковской галерее. Один из братьев держит в руке античную вазочку. Другой, широкоплечий русский красавец, смотрит куда-то вдаль, словно обращает что-то. Павел Корнин кажется почти богатырем (недаром сам Нестеров сравнивал его с добрым молодцем Масулой Селькиновичем).

Об этом знаменитом портрете мы думали, ожидая Павла Дмитриевича в его мастерской. Он пошел, сюда, и в отличие его не было ничего богатырского. Художнику исполнилось недавно семидесять лет, но мы все же узнаем его по нестеровскому портрету.

Нестеров умел видеть людей. В облике Павла Корнина он недаром нашел нечто эпитическое. Но своему сыну, по своей индивидуальности Корнин действительно художник-никто. Еще раз убедиться в этом мы имели возможность на юбилейной выставке в залах Академии художеств СССР, где впервые экспонировались портреты по силе портретные этюды к «Холодной Русь», триптих «Александр Невский» и многочисленные портреты, написанные в строгий реалистический манера, крепко, порой даже жестковато. Та же крепкая реалистическая живопись характерна и для портретов Корнина, некоторые из которых Ленинской премии.

Павел Дмитриевич Корнин — замечательный мастер живописи, человек большого творческого и жизненного опыта, и не случайно поэтому мы обратились к нему и к вопросам, интересующим молодых художников и многочисленных любителей искусства.

Беседа наша проходила спустя не-

оде полтора назад в тоснатовой комнате заводского комитета комсомола зашел разговор о молодом работном — о человеке, который только вставил стамеску. Почему один с первых же дней работает в полную силу, а другой то и дело сбывается с ритмом? В чем причина?

Особенно гордился перемен в сельветовой куртке, инструментальщик.

— Дали человеку станок — ну и ладно. А как он работает, толку мастер знает. И не всегда скажет: так, мол, и так, ленится, мол, этот парень, — а ты чинишь. — Комсомолец. «Ну, как у тебя, браток?» «Порядок!» А какой там порядок? Бывает, браток и четвертью в месяц не заработает...

Об этом разговоре рассказал мне Владимир Голубушин, секретарь заводского комитета комсомола, когда я заговорил с ним о работе «проекторства».

— Мы не раз думали об этом, — сказал Голубушин, — когда появились у нас «проектористы»: решили: пусть-ка они займутся воспитанием молодых. Так и соддавался у нас — как бы вам сказать! — ну, «зона внимания», что ли. Зона эта сейчас, теперь всю молодежь, которую только находят, и если пройдем по цехам...

Беседуя с комсомольцем Владимиром Пукотиным, главным мастером режурного цеха. Формально он не значится в списке «проектористов», фактически же один из самых активных.

Беседа с народным художником СССР, лауреатом Ленинской премии П. Д. КОРИНЫМ

столько дней после встречи руководители партии и правительства с деятелями литературы и искусства в Брежнев. Мы, естественно, задали вопрос, которые особенно остро были поставлены во время этой встречи и имели большое общественное значение. Прежде всего об абстракционизме.

— Дело в том, — говорит Павел Дмитриевич, — что я художник и могу судить только о том, что находится в границах искусства. А абстракционизм ничего общего с искусством не имеет.

Этот ответ, как нам кажется, приобретает особый вес в устах художника, который на своем зрелом этапе в искусстве самые крайние направления, борьбу стилей и методов, но до сих пор держал в своем убеждениям художника-реалиста. У Корнина есть определенное мнение на этот счет, и выразил он его довольно решительно.

Тем более интересно узнать, что думает П. Д. Корнин об искусстве. О его назначении. Об ответственности художника перед народом. И, главным образом о том, что он хотел бы сказать молодым, только еще вступающим на творческий путь художникам.

— Это очень серьезный вопрос, на него не ответить так сразу. Но сказать можно главное: учиться надо. Пусть молодые поймут меня правильно: учиться не просто рисунку, композиции, колориту. Учиться надо всему. Но-во-во, для каждого человека искусство, а какой области он и работает, примерно в этом смысле должен быть Шалашин. Да, талант, гений. Но талант — это гений, и не только все дано. А этот гений до конца дней учился. И у кого? У жизни он учился. Шалашин народную жизнь знает, историю русского человека чув-

Кстати сказать, на Электростальском заводе проекторного машиностроения таких помощников «проекторства» десятки в каждом цехе, на каждом участке. Иначе ведь никак невозможно было бы создать ту «зону внимания», о которой говорил Голубушин.

Пона я задаю Владимиру вопросы, он озабочено рассматривает по сторонам, точно кого-то разыскивает. Потом, извиняясь, становится передохавшего мимо пологого рабочего. Цех наполнен ровным гулом станков. Их тут, пожалуй, не меньше сотни, и я не слышу, о чем он говорит. Рабочий кивает головой и направляется вдоль пролета.

— Молоды у нас на участке шестеро, — говорит Владимир. — Да, собственно, не те же уже они молодые, кто-то работает уже по году. Всех там сто! Но поговорила с ними пришлось. Вот паренек за токарным станок. Это Черток...

Я уже слышал о Чертоке. Трудный, говорили мне, паренек. Спрашиваю об этом Владимир. Тот поминует плечами.

— Да нет, не очень. Бывает трудной. А Чертока сейчас не узнаю...

Он пришел на завод из ремесленного. В отделе механики где-то паровозный котел, заручили его нервно: то принесут целую кучу народу и надо спешить, то затиче. Частенько такое затиче танулось целыми днями, и семнадцатилетний паренек все больше и больше разбалывался, терял вкус и профессию, и делу. Однажды, случайно порезав палец и «отболев» положен-

— Мало знать только свое искусство. Нестеров мне в молодости говорил: «Вы не получили образования в силу определенных причин — не успели, не было, не вышло. Каждый день», Нестеров мне советовал, какие книги прочесть, какие сиветяжки посмотреть. Учиться живописи надо не только у самой живописи, но и у музыки и у литературы. Художник должен отовсюду вбирать в себя соки: ведь искусство, как и жизнь, многогранно. Надо стараться знать все. Нельзя забывать, что воспитательное значение искусства огромно. Одно из названий искусства — «воспитание человека, выявление его лучшие духовные качества». А этого нельзя сделать, если сам художник не выявляет человека. И совершенно правильно критиковались молодые художники десятилетия этого, а вы скажи, основного качества.

Павел Дмитриевич говорит о том, что для каждого молодого художника очень важно творческое общение со старшим профессионалом. Дав Корнина «премущественность поколений» не пустая фраза. Связь и смену поколений художник понимает, особенно говоря, как весеннее обновление природы: намное соедает и утверждает красоту на земле. Не случайно Павел Дмитриевич говорит о том, какую огромную роль играли в его творческой жизни Горький и Нестеров. В этом смысле пример Корнина — убедительное подтверждение премущественности поколений и отнюдь тем, кто в проблеме «отцов и детей» хочет видеть почву для конфликта.

Корнин похвалил Нестерова и Горького своей высокой русской

ный срок, заявил, что вообще кто-то травмы не может работать токарем...

— Хочу фрезеровщиком.

— Веди ты токарю! Тебя два года учили!

Но Чертков утвердил свое. Он перешел со станка на станок, нигде не задержавшись. Самые обычные нормы стали для него чем-то недосягаемым. Дело дошло до бурного разговора с начальством. Тогда-то и оказался Чертков в только что созданной «зоне внимания». Взялся за него Владимир Пуков, поручился:

— Будет работать не хуже других.

Шефство это было нелегким. Приходилось и учить, и помогать, и жестко контролировать. И, конечно, постоянно поддерживать в паре веру в свои силы, в успех. Подойдет, бывало, Владимир к Черткову, спросит:

— Ну, как, ударник, дела!

— Не клеится что-то...

— А ну покажи развел... Да разве это заточка!

Пойдем заточим по-новому.

Как-то раз Пуков сказал:

— Молодец, тебе осталось уже чуть-чуть...

— Что чуть-чуть?

— Давать по сто процентов будешь. Идет дал... Чертков тяжело вздохнул.

— Чудья, используй резерв.

— Кемой?

— Самый надежный — время. Минуту, секунду.

Тогда все будет в норме.

...И вот мы стоим в двадцати шагах от Черткова, нильского парня в защитных очках. Он остановил станок, слушает помехоного рабочего — того самого, которого «инструировали» четверть часа назад сменный мастер.

— Оплыв у Черткова не клеится!

— Да нет. Просто давать полагается сложная, — отвечает Владимир. — Теперь мы споконны. Теперь все в порядке.

— Это Чертков. Но у вас их шестеро, молодцы!

— Точно. Но отстающих нет. Теперь нет.

Мы идем на учебный участок.

— Такое пока еще нет нигде, — говорили мне на заводе с гордостью.

Минимум громадный второй механоборочный цех, лабиринт проходов и переходов и оказываемся на золотом солнцем участке. Сидит является через широкие, каменные оковы радостные овалы.

Здесь работают сорок парней и девчат. Они никогда не носили формы рамесленных или техмических училищ. Они пришли на завод, не имея ни малейшего представления о труде станочника. Они работают и учатся. Четыре часа у станка, два — в классной комнате. Через пять месяцев каждый получает разряд и уходит в обычный цех на обычный участок.

Высста с мастером Евгением Морозовым — на участке свои мастера, в основном комсомольцы — подходят к станку, за которым работает двое: парень и девушка.

— В четыре руки, — улыбается Морозов. — Случай довольно редкий: станок не разья. Но у нас и такое бывает: шэф и подшефный.

— Кто же шэф?

— Валя Андронов.

«Шэф» заметно смущается, на вопросы отвечает сипло. Смерно получит разряд, и это очень здорово, потому что хочется поскорее вырваться на «оперативный простор». Впрочем, и здесь работает по наряду, дает продукцию. «В меуру сил и умения...» — добавляет Валя, бросив короткий взгляд на мастера.

А в подшефный Николай Соловьев, вкратце, «устраив» первичек лет семнадцати, вытирает испльщенные маслом руки, уверенно бросает:

— Валя хоп завтра сдст на разряд.

— А ты?

— А я послезавтра, — бойко ответил вкратце.

Соловьев попал в подшефные месца три назад. Чем-то напомнил он Черткова, хотя станок и не мивал. А потом был разговор с «пропектористами» — откровенный и прямой разговор:

«Хочешь работать — работай. Поможем. На кошечь — ступай... Только подумай хорошенько».

Соловьев подумал и решил. Тогда и прикрепили к нему Валу Андрону. Так вышло это шэфство. Но скоро оно конится, потому что Николай Соловьев перейдет на обычный участок.

Да, если пройтись по цехам, то всюду можно заметить ребят комсомольского пропекторства. В каждом цехе, на каждом участке «пропектористы» раскрывают погрывные тетрадки и записные книжки, называют фамилии, приводят цифры: у такого-то столько-то нормочасов, такой-то заработок... В зоне внимания «пропектористов» действительно каждый молодой человек, начинающий трудовую жизнь. О нем думают, ему помогают, он постоянно в поле зрения комсомольского луба.

Но «пропектористы» заботятся не только о профессиональном обучении молодых рабочих. В «зоне внимания» умно и доброго луба — воспитание, идеяная работа юншых и деушек, формирование высоких нравственных качеств молодых строителей коммунизма.

Эти будничные, повседневные дела электростанции — красивый подарок комсомолу Пленуму ЦК КПСС.

Н. ВАСИЛЬЕВ

г. Электросталь.

ПЕЧАТНИКИ ИЛИ РАБОТНИКИ

одаренностью, своим честным подходом к искусству и еще тем, что художник он глубоко русский, подлинно народный. Это имел в виду Горький, когда писал Корину: «Вы большой художник. У вас находится здоровое кондовое искусство. Вам есть что сказать».

Речь заходит о последних работах П. Д. Корина, выдвинутых на сессии Ленинского пленума. Это портреты Курьянникова, Ренато Гутузо, Мартиросо Сарьяна и Рубена Симоняна. Нам интереснее, что хотел сказать художник каждому из этих портретов и что он особенно старался вывить и подчеркнуть в образах людей, им изображенных. Оставь художника поначалу нас удивлял.

— Об этом я говорить не буду.

Но из-за того, что есть у меня как-то тайная, просто считал, что художник не может, не должен об этом говорить. Художник говорит о том, что его дело сделать, как оно сделано, — судить зрительно.

Зная П. Д. Корина как замечательного мастера портретной живописи, мы просим рассказать о его работе в этом жанре.

— Портрет — вещь страшно трудная: ведь тут имевшь дело с человеком. Я всегда мучался, когда пишу портрет, каждый дается мне целой колосс мучы. Иногда мелею даже только думаясь о человеке, прежде чем начать его писать. Ведь тут мало внешнего сходства, надо четко уловить в человеке, часто то, что он и сам в себе не знает. Нату-

ра — всегда только точно отправленны. Художник без воображения не творец. Портрет нельзя написать без воображения. Судите сами: человек долго позировать не может, поесток подается и уже спит, устал. А в жизни я его другим вижу. Вот тут и приходит на помощь воображение.

Наша беседа снова возвращается к тем вопросам, которые были подняты на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Мы говорим о выставке в Манеже и, в частности, о работах молодых художников, которые были подвергнуты резкой критике. Живанянин и творческий опыт Корина позволяет ему говорить конкретно, не скрывая своих симпатий и антипатий.

— Для каждого художника главное — иметь свой собственный мир, свое лицо. Ведь мы видели работы молодых, которые хвалялись всего понемногу у Пикассо, у Матисса, а своего мира не имеют. Вот ведь в чем беда. Я реалист. Различные формы я не понимаю. Зачем это делать? Зачем уродовать человека?

Что бы там ни говорили иные критики, это не искусство, это трущ искусство. Так что критика эта была правильной в самой своей сути. Речь шла об уважении к человеку, о прямом и честном взгляде на действительность. Художники они молодые, у них есть время подумать, поучиться у жизни, пристальной взглянуть на то, что делается вокруг. И работать. Очень упорно работать, помня прежде всего о назначении искусства.

Вопрос о традициях в искусстве стоит сейчас особенно остро, об этом много говорят и спорят. Мы хотим узнать мнение П. Д. Корина на этот счет.

— Вез традиций искусство вообще немислимо.

— Видно, наши отечественные традиции начинаются еще с древнего русского искусства?

— Не торонитесь с выводами. Это вопрос сложный, профессиональный, и решать его не нужно впадать в крайности, а то можно много добра наломать. У нас была прекрасная живопись, была великая культура. Это — вклад в мировую культуру. Такое образное как русский «Спас», мирового живописи не имала. Сегодня нам чудно соображение этой живописи и ее формальности, и при этом не видящем том во сколько большее искусство есть некто неуловимое. Это можно взять и от Рублева.

На наш вопрос: «Это неулови-

мое — мастерство или...? — Павел Дмитриевич улыбается.

— Вы думаете, все в искусстве можно объяснить? Если бы все было так просто, то и никакого искусства не было бы. Скучно было бы жить.

Не нужно в искусстве поспешных объяснений. Я не могу вам точно сказать, что дал мне тот или иной мастер, но, безусловно, все что-то дали: и Рублев, и Александр Иванов, и Петров, и Шаляпин, и Горький... Как видите, те, кто больше всего любил в искусстве человека.

Коркин говорит: не нужно понимать традиции однобоко, как пострахование тому, что было. К традициям нужно относиться бережно, отбрасывать то, что совсем нашему времени, нашим общим идейным задачам. Главными качествами русского искусства всегда была гражданственность и уважение к трудовику человеку — об этом надо прежде всего помнить, говоря о традициях. С этих позиций нужно подходить и к проблеме новаторства. Нельзя бездумно сносить то, что происходит в современном буржуазном искусстве. А ведь совсем недавно некоторые критики именно за подражание поднимали на щит многих молодых художников. В сущности, если разобраться, они призывали отказаться от высокого назначения нашего искусства.

Об одном молодом художнике, в свое время пропущенном у нас и в зарубежной печати, Коркин отзывался довольно строго:

— Очень уж он избаловался. Успех ему голову вскружил. А успех, оказывается, липовый. Нужно ему было работать, работать, а он в гених заснешил... И не знаю, сможет ли он теперь стать художником. А ведь у нас есть прекрасные молодые художники, которых не кидаешь в крайности, всегда помни о гражданственном и воспитательном назначении искусства, честно и добросовестно работай. У них проблема традиций и новаторства приведена в гармонию. И это — настоящее искусство. Возьмите Д. Жилинского. Как прекрасна его работа, недавно выставленная в Мавзее, — «Портрет Фаворского!» С каким реалистическим мастерством и, главное, с каким уважением к человеку написан портрет Илл П. Осовский и В. Иванов — очень талантливые художники. Хороша вся их «Кубинская соната». А Г. Корнеев? Помните его «Поднимаемого знамя»? Говорят, там у героя лицо красивое, чепуха! Прекрасное лицо. Настоящий социалистический реализм, без пошлости и парадности. Здесь есть подлинная революционность, что у Родена в его «Марсельезе», у Делакруа в его «Свободе на баррикадах».

Коркин с большой симпатией называет имена тех, вокруг которых нет шума, которые любят честную реалистическую живопись. Он называет художников, не падающих на дешевый успех, художников, которые относятся к себе с повышенной требовательностью и всегда помнят о задачах нашего социалистического искусства.

Прощаясь, Павел Дмитриевич говорит с улыбкой:

— Наверное, ничего нового я вам не скадал. Ведь снень трудное это дело — искусство. Молод ты или стар, а приступаи к каждой новой работе, все начинаешь заново. Все жизнь учишься...

П. ГОЛУБЕВ

ТРИГУНА «СМЕНА»

Виктор ЛЕВАШОВ

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ

«ДЕЛО»

«НЕПРОБИВАЕМОЙ СТЕНЫ»

НЕ БЫЛО

ПАТЕНТ

НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ

СОЙДИ С ПЬЕДЕСТАЛА,

ЭДУАРД!

Письмо было из Киева. Автор его, Эдуард Козно, выпускник Бакинского университета, просил помощи. «Работая после окончания университета в Киевском филиале ВНИИВа (Всесоюзного научно-исследовательского института искусственного волокна), — писал он, — я выступил с критикой недостатков в работе института и был уволен. Я устроился прядильщиком 4-го разряда на комбинат искусственных волокон, на территории которого находится институт, и третий год пытаюсь добиться восстановления справедливости, но безуспешно. Много людей занимало расследование моего дела, но никто из них не выступил в мою защиту...»

Редакция получила специальное корреспонденту «Смена» вехать в Киев.

Командировка окончена. Позади десятки встреч с самыми разными людьми, десятки коротких разговоров и долгих бесед, знакомство с обширной документацией «дела Эдуарда Козно».

Да, он был прав: в институте составлялись, подписывались и отправлялись в Москву фирменные планы научных исследований, месячные не устанавливалось приобретенное оборудование, позарез необходимое для работы, отсутствовала информация о деятельности научно-исследовательских организаций искусственного волокна.

Нет, Эдуард Козно не был слюнчиком. Выразить недовольство тем, что, несмотря на решение партийного собрания о передаче дела в суд, по-прежнему процветает в институте на должности старшего инженера бывшего зам. директора Колбасинский, расстратчик и очковатратель, — не сложа. Резкий протест против регулярных пьянок в рабочее время с участием администрации — не сложа. Возмущение тем, что легковая машина, «замаскированная» под походную лабораторию, по существу, используется как персональный автомобиль директора в обход всех правил и постановлений, — справедливое возмущение...

Почему же не победил Эдуард Козно? Ведь была правда, была смелость, было желание бороться, но... Третий год инженер-химик с университетским образованием выполняет на комбинате работу, для которой достаточно и десятилетки. Неправедности!

— Жестокая несправедливость, — говорит сам Эдуард Козно.

И я был склонен с ним согласиться. Но перед отъездом, вернувшись в номер гостиницы, выбросил в корзину змеи стазу в защиту Эдуарда Козно. Дело в том, что минувший день я провел на комбинате, где теперь Эдуард работает, и услышал о нем:

— Берни.

«В своей борьбе я столкнулся с непробиваемой стеною бюрократизма, формализма, равнодушия в тех организациях, куда я обращался с заявлениями, — пишет он в редакцию «Смена».

Но так ли это?

Директор института партии, куда обратился Козно, незамедлительно прислал комиссию. Произведя расследование, члены комиссии признали факты, указанные в докладной Эдуарда, соответствующим действительности и обязали администрацию института принять меры.

Когда было организовано обсуждение «персонального дела» Эдуарда Козно и под давлением администрации собрание высказалось за отстранение Эдуарда от работы, активно вмешался комитет комсомола комбината и своим решением отменил строгий выговор «склоннику» и отменил несправедливые обвинения в адрес Эдуарда.

Когда директор института тов. Архангельским был подписан приказ об увольнении Козно

— Будешь писать — вышвернем. И жалобы не попусту: у нас связи.

Были «друзья» Л. Вдовиченко, Н. Резник, А. Гойман, которые в ответственный момент дали «воросхино» совет.

— Не стоит связываться, плешь ты не это дело — жить спокойнее будет...

Были и союзники: комсомола Роберта Ядова, старый коммунист Г. А. Теслюк... И еще трое-четыре. Почему же только к трем-четырем? Конечно, нельзя назвать крепким, здоровым коллективом, в котором покрывались и замалчивались серьезные, принципиальные недостатки в работе. Но как бы там ни было, не трое и не четверо — много больше носилось бы союзников у того, кто ведет справедливый бой.

ине Иван Михайлович... Но эти не отказались от права критиковать его просчеты.

Да, это была критика мелочевских недостатков Козно. Горькие, но справедливые слова были высказаны в адрес тех, кто заведует его делом. В каждом выступлении чувствовалось желание помочь. И над этим стоило подумать. Но вера Эдуарда в собственную непогрешимость попрежнему была непоколебима: он начал с осуждения, а в адрес тех, кто заведует его делом, кто мог бы и должен был стать союзником. В особую заслугу себе он поставил даже свое поражение. Он превратил «правдоиспытательство» в форму своего высшего долга — «пробить» выше «простых смертных».

— Замалчивание недостатков, формализм, беззаконие... — сказал мне Эдуард Козно, — прямые следствия культа личности. В борьбе за его искоренение я вижу свою высшую цель.

А между тем, звав «патент на исключительность», Эдуард шел к созданию маленького собственного культа.

«Мог ли он походить?»

«Я изучал историю нашей партии не для того, чтобы сдать зачет или экзамен, я перерабатывал это в себе, чтобы правильно построить свое мировоззрение, воспитать себя гражданином нашей страны», — писал Эдуард в редакционном «Смелым». Я готовил себя к тому, чтобы отдавать свои знания, силу души и тела на пользу людям...»

Хорошие, правдивые слова. Но как можно прозвучать их почти одновременно и друг другу: «серая масса», «недоучки», «обыватели» — бра-

ченными членам рабочего коллектива?

Плюк ты изучал историю партии, Эдуард Козно, мало и мелко думал ты, выработав свое мировоззрение... Ты сумел стать хорошим специалистом, но гражданином еще не стал.

Пожалуй, не стоило бы посвящать целую статью затнутому делу Эдуарда Козно, если бы он был единственным в своем роде. Но к сожалению, он не один. Встречаются еще подобные «борцы». Я знакомился с одним из них в Павлодарской области, на ферме свиного хозяйства.

Он многое умел подметить, многое правильно оценивать. Но болел высказывать свое мнение в глаза кому бы то ни было — от директора совхоза (кстати, его сверстник) до секретаря обкома. Но товарищ по работе не любил его и не уважал. И лишь знал он критичные недостатки не потому, что у него болела душа за общее дело. Это была критика ради критики: ради утверждения собственной самости, принципиальности, собственной правозривости.

Иногда об этом случае можно сказать, что мне кажется: к голому критиканству придет и Эдуард Козно, если не перестроит свои взгляды.

Может быть, и не стоило так подробно анализировать дело Эдуарда Козно, но хочется надеяться, что оно наконец поможет разобраться в своих ошибках. Хочется помочь им, потому что на «ведателя правдоискателя» поднимаются, как правило, люди — заводчики, интуиты, которые не могли бы принести большую пользу своей стране, своему народу. И жаль, что некоторые товарищи своим неправильным поведением только дискредитируют большое, благородное дело бытия.

Так было и с Эдуардом Козно. Его высокомерие, неверие в людей, в коллектив, поза «гордо-го одиночки» нанесли прямой ущерб: дали возможность появиться целому ряду «борцов» о его судьбе, давая критику работы института к делу о «клоннике».

...Долгим был разговор о судьбе Эдуарда Козно в комнате преддиректора цеха. В нем участвовали секретарь комитета комсомола комбината Володя Рёбов и старший специалист, партгор вискозного производства комбината Г. И. Алексеевко, рабочие смеяны Козно, мастера, профсоюз. В конце предвзятого суда В.И. Алексеевко о его судьбе.

— Смог бы Эдуард Козно занять инженерную должность на комбинате? — интересовался я.

— Как специалист — да. Но был инженером — это был руководитель воспитателя, а доктор... Ему сейчас зотт маленького коллектива мне не можем...

— Стоит ли настаивать на возвращении Эдуарда в институт?

— Не знаю, но мне... Ему еще нужно учиться уважать людей, работать с людьми и для людей.

Также, Эдуард Козно, инимие рабочего коллектива. В ады — вы иди комитетом себе единственному, главную силу. Ты отказался от нее — и ты проиграл. Ты не мог победить!

как бездельник, группа ответственных работников Киевского и республиканского совхозархоза без волокиты дала, а по его делу не было заключение о его работе в должности младшего научного сотрудника...

Нет, не было «выпробованной стени».

Почему же не победил Эдуард Козно?

С чего началось? Пришел в институт новый сотрудник, молодой, способный, энергичный, полный желания работать честно. Но уже спустя не-которые время возникли первые стычки. Вечера — с лаборантками. Нет, они не выражали недовольства тем, что Эдуард нарушил «спокойную жизнь». Вместо разговоров и чтения книг про шпигоны в рабочее время Козно заставлял девушек штудировать учебники по органической химии, сдавать коллоквиумы. Порой до позднего вечера он задерживался в институте, читая лекции, консультируя; он готовил квалифицированных, понимающих, думающих помощников. Девушки охотно стремились освоить трудную и интересную специальность. И на первых порах они прощали своему учителю излишнюю резкость, вспыльчивость, несдержанность. Но лишь на первых порах. Никому не могут понравиться систематические упреки в нежелании думать, понимать, нежелании «пошевелить мозгами». Лаборантки Эдуарда Козно были достаточно прилежны, постигави и достаточно самонадеяны. Когда же нарекания Эдуарда перешли мур, девушки возмутились, потому что университетское образование не давало Эдуарду права упрекать их в черствости, отсталости и устареванности непоколебленности. Назрел конфликт.

Подобным же образом сложились отношения Козно с коллегами, научными сотрудниками института. Эдуарду ничего не стоило бросить в лицо товарищу — по работе «друзьям» или «дурму»...

По-разному отнеслись сотрудники института к делу Эдуарда Козно, к его борбе.

Были явные недоброжелатели, недовольные стремлением молодого специалиста «навести сор на быль». Начальник политехнической лаборатории Л. В. Кузнецова предупредила прямо:

Высокомерие — вот причина того, что Эдуард Козно остался в одиночестве.

25 августа 1960 года младший научный сотрудник ВНИИВа Козно Э. И. был уволен из института...

Как правило, журналист, расследующий жалобу, сталкивается с одним из трех случаев: когда автор письма в редакцию во всем прав, когда автор письма — явный «клоник», когда автор письма в чем-то прав, а в чем-то заблуждается. Именно к последнему случаю хочется мне отнести «дело Эдуарда Козно». В истории трезлельной его борьбы есть моменты, которые не могут не вызвать сочувствия и уважения к Эдуарду: ему возразили — он не отступил, ему создавали невыносимые условия для работы — он не сдался, ему предположили «попытный вывод» — увольнение по собственному желанию — он отказался. Чтобы продолжить борьбу, он после увольнения поступил на комбинат, в систему которого входил ВНИИВ. И нужно было продолжать борьбу, но прежде крепко подумать о причинах первого своего поражения и сделать выводы.

Но выводы, к сожалению, для себя Эдуард не делал.

...И вот я на комбинате, в преддиректорном цехе, где третий год работает Эдуард Козно. Смеяны, коллектив которой тепло, с уважением принял Эдуарда. Когда в многотиражке «Трибуна рабочего» появилась глумливая, вздорная заметка о нем, еще двенадцать человек в тот же день поставили свои подписи с протестом против искажения фактов. Среди них была и подпись партгорга смеяны Ивана Михайловича Козлова.

Я листаю подшивку многотиражки и вижу другую смеяны — «Обязанности и честь» — тоже об Эдуарде Козно. В ней И. М. Козлов и другие рабочие смеяны критикуют Козно — и справедливо критикуют — за высокомерное отношение к коллективу, за нежелание подчиниться нормам нашей общественной жизни, за противопоставление себя товарищам по работе.

— Мы все подписались под опроверженным клеветнической заметки об Эдуарде, — рассказал

тех пор прошло более десяти лет, но все же я часто вспоминаю эту необычную историю. Она лично не изменила в моем отношении и предостережении, в моем понимании жизни. Может быть, только более мучительно стал искать я ту порой незримую грань, которая разделяет искусство от искусного подражания...

Вместе со старым художником Платоном Константиновичем Елаевским мы рассматривали небольшое собрание картин великого русского сослуживца доктора медицины Маслова, — претензиозные, безвкусные картинки, явно неудавшиеся в ярлычках с указанием цены. Чтобы не огорчать хозяина, мы останавливались на минуту-другую у каждой рамки, обмениваясь банальностями и проклиная в душе эту затею выставиться искуснику.

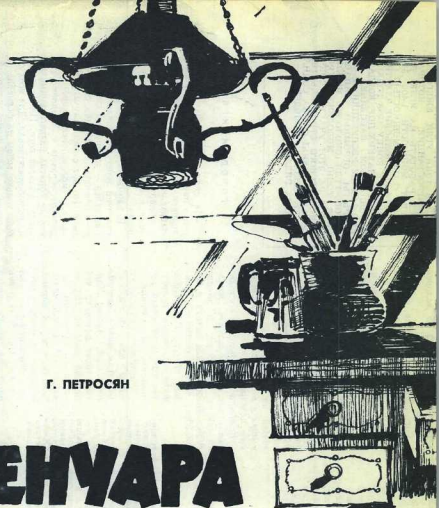
Наконец осмотр окончился. Мы собирались уже сесть за стол, когда Маслов торжественно объявил, что хочет показать гордость своей коллекции — картину, принадлежащую кисти самого Ренуара. Мы прошли в его кабинет. На письменном столе висело сверкающее всеми прелестями и проливало в душе эту затею выставиться искуснику. Наполнен была изображена маленькая хорошенькая девочка. Взгляд ее больших удивленных синих глаз казался застывшим, неподвижную тоску.

Розовое платье то исчезало в приливах ярких красок, то возникало вновь.

Это был не редкость изыскан и трогательный портрет, как по чувству, которое он передавал, так и по исполнению.

— Давно у вас эта картина? — спросил Елаевский.
— Да нет, сравнительно недавно, — довольный произведением впечатлением, отвечал Маслов. — Она перешла ко мне от дяди. Не правда ли, блестящая вещь, шедевр!

Елаевский промолчал.
— Мне тоже не хотелось отвечать ему. Было просто обидно, что такая картина могла принадлежать Маслову.

Г. ПЕТРОСЯН

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОСИЛОВА

ПЛАТОН РЕНУАР

— Такого Ренуара вы не увидите ни в одном музее, — продолжал Маслов. — Один коллекционер из Ростова предлагал за нее семь тысяч рублей. Но зачем мне ее продавать, если она доставляет мне удовольствие? И к тому же (здесь он хихикал) приятно быть единственным в стране обладателем Ренуара.

— Дело в том, что это не Ренуар, — нехотя сказала Елаевский.
— Только сейчас, взглянув на него, я увидел, что старик сильно взволнован.

Маслов не сразу понял его. Выглядел он, наверное, решив, что Елаевский просто шутит. Но бледное лицо старого художника рассказало его сомнения. Он бросился к письменному столу, выдвинул средний ящик и вытаскил папку с грудой свидетельства и отзывов о подлинности картины. Он произнесла фамилия известного искусствоведа, назвала сумму, предлагаемые ему музей и частными лицами. Он говорил бы еще долго, если бы Елаевский не прервал его.

— Вы распознали времена? — спросил он, обращаясь скорее ко мне, чем к обладателю Ренуара. — Я хочу рассказать вам одну историю. Он вышел из кармана папку, вытер губы и, смотря в сторону, начал свой рассказ:

— Вы знаете, что я долго жил в Париже. Я приехал туда молодым человеком, окончив художественное училище Штиглица в Петербурге. Война застала меня во Франции, а когда она кончилась, я не мог покинуть Париж по некоторым личным причинам.

К тому времени меня уже звали как неплохого специалиста по реставрации картин. Шарль Лазиди, парижский антиквар, предложил мне работу.

Мнезили, как только, лавка этого грека была хорошо известна коллекционерам. Многие Рубенсы, Шарден, Дур, украшения ныне 소유ники американских миллионеров, стены частных собраний, были приобретены в маленькой лавке папаша Шарло.

О, папаша Шарло знал толк в искусстве! У него всегда было то, что требовалось покупателя. А если не было, то он доставлял через самых короткое время. Недаром он считался одним из лучших антикваров — знатоком живописи в Париже. Только потом я понял, что Шарль Лазиди был просто торчком, жадным, невежественным шарлатаном.

Но тогда я был молод, и мне нравилось здесь все: тусклое мерцание средневековых светильников, посетители, запах красок и та особая тишина, которая бывает только в музеях и антикварных магазинах...

В одну лавку часто заходил пожилой человек, которого звали Кульчицкий. У него была дача с павильоном Шарло, и он часами пропадал в его кабинете. Это была странная, нервная личность. Ходил он в черном поповском стюкете, всегда небритый и вломоченный с каким-то блуждающим взглядом. Говорил со всеми снисходительно, а бы даже казался покровительственно, и его маленькие нависающие глаза смотрели на людей скрбно, но надменно.

Впрочем, всерьез его никто не воспринимал.

Мне это от человек поначалу не нравилось, но потом я к нему привык и даже стал находить его забавным.

В один из дней мы разговорились откровенно и себя называл художником, но я ни разу не видел его картин.

Платон Кульчицкий вызывал жалость: плакал, как ребенок, вздыхал,

жаждало, тосковало и по-детски искренно. У него не было ни семьи, ни друзей, и, кроме разных бабков, он посещал только частную галерею Крума и нашу лавку.

В галерее Крума он обычно стоял у картины Эль-Греко, изображавшей какого-то испанского кардинала. Он мог выхаживать перед ней часами, устремив на нее свой блуждающий взгляд и не замечая никого. Что он находил в этой картине? Тогда мне казалось, что между Эль-Греко и Кульчицкий не может быть никаких точек соприкосновения... Из галереи он обычно приходил к нам, ругая и понося знаменитого киприота. Нам казалось, что это — обычное выражение скрытой зависти, и только впоследствии я понял, как мы ошибались...

Однажды Кульчицкий исчез. Его не было месяца три, а то и четыре. Папаша Шарло предложил мне известить его. Я согласился.

Мы шли по какому-то узкому улочкам, мимо ветхих, старинных домов с флюгерами. Было уже темно, когда мы поднялись в мансарду, которую снимал Кульчицкий. Он был дома и по обыкновению пил, только гораздо сильнее, чем обычно.

Я как сейчас вижу его полутемную комнату, напольную скорее тюремную камеру, чем мастерскую художника. Давать шпатель в ладню, шест в шпирту. Топчан, шезлонг, столик. В углу, у маленького окошка, молльберт. Давать теперь я не могу понять: как писал он в этой комнате?

В комнате было сильно накурено. Дым поднимался к потолку, окутывая лампу, в флюгера Кульчицкого в этом табачном тумане казалась какой-то нереальной, выдуманной.

Он не выражал ни удивления, ни радости, увидев нас. Казалось, он даже нас не заметил. Лазиди, посев к нему, стал говорить о чем-то вполголоса, а я еще раз оглядел комнату.

Мое внимание привлекли эскизы, пригласенные к стене маленького окна. Повернувшись к свету, я увидел, что это наброски к картине Эль-Греко, выходящейся в галерее Крума. Неужели Кульчицкий снимал копии? Эскизы были поразительно правдивы. Нет, это не Кульчицкий, я чувствовал, что дрожу. А может быть, он реставрировал «Кордильеры»? Ведь эту картину продали Круму папаша Шарло. Но к чему же эскизы?

Из этой напряженной задумчивости меня вывел Кульчицкий. Он говорил каким-то странным, лишенным тембра голосом; можно было подумать, что он бредит или говорит во сне.

— Нет, я не лжив, Шарло, — говорила Кульчицкий. — Мне просто нечего не везло. Почему никто не хочет поверить в невезение? Ведь может же человеку просто не везти? Да, я презираю людей, толпу, но разве не ждал я всю жизнь, одобряя эти люди, разве не ждал я всю жизнь одобряя этой толпы? И чего я добился? Ты видишь сам, чего я добился, Шарло!

Делавура, Ватто, Лоренс... — Казалось, он шепчет мне на ухо. — И не жалею их. Разве моя картина не украшает ту же галерею, где висят и они? И разве все эти знатоки отгнали мою кисть от кисти самого Эль-Греко? Лазиди пытался превратить его, делаю ему знаки, и я ругал меня как отним обожало — я понял... Жалкий, деградирующий Кульчицкий выдала себя за Эль-Греко! Опустившись палица повторил знаменитого киприота, стал его двойником.

Положающийся от напряжения, я не знала: негодовать мне, жалеть его или восхищаться?

Комната десять на шесть вертелась вокруг своей оси. У меня кружилась голова, и мне казалось, что, кроме этого болезненного света, дыма и голоса Кузьмичского, ничего больше не существует.

— Все дело в том, что они первые. А я всю жизнь был вторым. Это никому не прощается. Вот поэтому Эль-Греко остался Эль-Греко, а я — Кузьмичкин. Я думаю, что отомстил всем этим знатокам, когда они кушали у тебя моего «Кавказца» и повесили в большой галерее Крума. Но разве это мстят! Убеждай их, Шарло, что картину писал я, а не Греко, и ее выставляют оттуда в два счета.

Он говорил, и голос его прерывался от рыданий. Он плакал медленно, как бы в такт словам, безнадёжно, но без вырыва.

— Я не могу найти себя. Я не могу писать по-своему. А ведь когда-то у меня это получалось. Ты сам говорила это, Шарло. А сейчас... Если я сейчас сделаю набросок вот этим желтым карандашом, то и тогда на этом клочке бумаги тоже буду не я. Это будет опитт кто-то другой. Я даже не знаю, кто это будет!

Он уже говорил с трудом, слова вырывались толчками.

— Подойдите сюда.— Он подвел нас к мольберту, накрытому шпалом.

— Я три года бился над этой вещью. Я скрывал ее от тебя, даже от тебя, особенно от тебя, Шарло. «Жени из Аржантины» — так хотел я назвать картину. Я думаю, что создаю шедевр, мой шедевр! А это... Кто это Кто!

Он свернула шпал, и мы увидели вот этот самый портрет, эту «картину Ренуар».

— Я долго ждал в ту ночь по Парижу. Накрывался дождем... Все меньше становилось прохожих. Я шел по опустевшим улицам и думал, думал... Я думал о муках, перенесенных этим человеком, лишенным родных, о том, какие страдания вынес он, отравившись от себя, своим стилем и манерами. Я думал об искусстве, о ладке, истинке. Думал о том, что великих душ гораздо больше, чем принято полагать.— Еланский помогать и стал прибавлять трубку.

— Я не верю, что это та самая картина,— наконец выдвинул из себя Маслов.— Не могу поверить.—

— Но почему?— с усмешкой спросил Еланский.— Разве это так уж невероятное?

— Совсем не важно, Ренуар это или кто-то другой,— вмешался и. Мне хотелось хоть немного успокоить Маслова.— Какое значение, собственно говоря, имеет имя, если вам нравится картина? Допустим, «войну и мир» написал не Толстой. Разве книга станет от этого хуже?

— Да, но если один писатель обворовывает другого, то его судят за плагиат,— возразил Маслов.

Кузьмичкин не был плагиатором,— тихо сказала старик.— Он не списал копий. Это был не преступник, а большой, потерявший свое лицо. Он был очень талантлива и подавала надежды. Но в Париже достаточно талантов. Они किसी никого не игнорировали: у них не было имени. А сделать имя в Париже было трудно, почти невозможно. Большинство этих талантов постепенно свивалось, так и не успев сделать ничего путного. Только немногие выходили в себе силы для борьбы. Но побеждали они редко... Кузьмичкин был талантлива и, как всякий слабый человек, жадно желал славы: Он пошел ради нее на все. К первым подачкам он относился

как к средству обратить на себя внимание. Но быстро понял, что буржуа не любит быть обманутыми. А потом, не желая обманывать других, он начал с того, что обманул себя. Он решил не теряться мучительным вопросом: «Зачем я существую? Раз в этом мире честно невозможно ничего достигнуть, значит, надо забыть о честности. И Кузьмичкин забыл о ней. Он успокаивал себя мыслью, что таким образом смстит толпе. На самом деле его преследовала дилетантская и такая омерзительная...

Он преследовал воспринимая чужую манеру и рисунок. Он научился даже думать и чувствовать по-чужому. Слишком хорошо научился... и поэтому потерял себя.

Несколько месяцев он был Эль-Греко. Его окружали те же видения, те же образы. Он испытывал те же страдания и надежды. Потом он становился кем-то другим. И самое страшное, что становился непрозрачно, незаметно для самого себя. Он обогатил Лазиди, а сам все ходил в своем сюжете, напоминая общивавшего шарманщика.

— Судя по картине, это был действительно талантливый человек,— сказал я.

— Если это не Ренуар,— хрипло возразил Маслов,— то я сам картину в комиссионный.

— Не могу припомнить, где я читал про такой случай.— Еланский набил трубку и сердито задумался.— По улицам какого-то епископского городка шла безумная женщина, держа в одной руке горящий факел, а в другой — кувшин с водой. «Я хочу поджечь небо и залить этой водой ад!»— кричала она,— «тобы люди любили Бога бескорыстно!»

— Что вы хотите этим сказать?— хмуро спросил Маслов.

— Бума мои вода,— не отвечая Маслову, продолжал старик,— я запреты бы указывать в музее, да и не только в музее, кому принадлежат или или оно шло. Пусть люди любят искусство бескорыстно.

Мне приходилось встречать в музее Лоддей, равнодушно проходящих мимо картин Рембрандта. И в этом не было ничего плохого. Старательно было то, что, узнав, кому принадлежит эти картины, они возвращались. Возвращались, чтобы выразить свое восхищение!

Не только художник подражает художнику. Зритель тоже подражает зрителю. А подражанием рзывает вкус неэль.

Ми догато молчал...

— Вы не знаете, что стало с Кузьмичкиным?— вдруг спросил Маслов.

— Не думаю, что вас это заинтересует,— хмуро ответил старик.— Он скончался от неумеренного курения опиума. На могильной плите какой-то весельчак написал:

«СТАНИСЛАВ КУЗЬМИЧКИН
МНОГОГО ХОТЕЛ
НИЧЕГО НЕ ДОБИЛСЯ»

А эту картину забрал в счет его долгов. Как она попала в Россию, я не знаю.

Еланский подыскал и взял трубку.

— Подуй. Простите, что я расстроил. Немного и мне не по себе. Не думаю, что еще раз придется мне встретиться с «Жени из Аржантины». Через месяц, прощая по Арбату, я зашел в комиссионный магазин. В углу висела «Жени». К картине был прилеплен ярлык — «Французская школа». Она оценивалась в семьдесят рублей. Я вспомнил, что когда-то Маслов предлагал за нее все семь тысяч.

Бесконечные переговоры с чиновниками и таможенный осмотр затянулись до предела. Так нас встретил Мадрид, куда мы прибыли на Международной студенческой встрече. К отелю подошли уже во втором часу ночи.

На улице ни души. Идем засонкой или дверной молоток. Напрасно. Недоуменно оглядываемся. Что же делать? Напротив нашего дома останавливается человек, делает три шага в левую, и, словно из-под земли, вырастает привратник и открывает ему дверь. Смотрит друг на друга. Клопева три раза и слышим «Буэнос-Айрес».

Позже мы узнали, что именно так вызывают ночью привратника в Мадриде.

Просыпаемся рано, открываем ставни. Комната едва наполняется светом. Высовываемся в окно. Перед нами типичный испанский плато — небольшой дворик, наполненный густою дробью разговора двух горничных, выполняющих ковер.

Торопимся на конгресс. Узкие улочки выводят нас на широкий проспект, обсаженный могучими деревьями. — Пасео дель Прадо. Напротив массивное тризвонистое здание с колоннами — знаменитый музей Прадо. Оборачиваемся, чтобы увидеть дом, где проходит конгресс. Тринадцатитриэтажная коробка, мрачная, грубая, цокольный этаж отделан черным гранитом. — Каса дос Синдикатос, штаб-квартира фалянтистских профсоюзов. Задрываем голову вверх. Пять стрел в воздухе — вот он, зловещий знак, которым Франко покрывал все Испанию!

Конгресс пошел своим чередом. Комиссии, пленарные заседания, проекты резолюций, разговоры в кулуарах, выступления, поправки, заседания в комиссиях, отъезды делегаций.

Делегация Испании весьма многочисленна: человек 20—25. Без конца то один, то другой представитель испанского университетского профессора — СЕУ, этой единственной легальной существующей фалянтистской студенческой организации в Испании, просит слова, вносит поправки, предложения. Председательствующий — представитель Испании — улыбається, острит. Но вот начинает выступать кубинец Ринардо Гомес, студент университета из Сантьяго-де-Куба.

Он говорит, что до революции в университете Кубы могли учиться лишь дети богатых, а сейчас, в результате победы революции, там занимаются дети трудящихся.

— Простите, уважаемый коллега, — прерывает его председательствующий, очевидно, забывши, что по регламенту нашего конгресса о политике говорить нельзя.

Делегаты Израйля и Голландии в знак согласия кивают головами.

Первые. Идея вылезти софа; нас окружают плотной стеной испанцы, представляют нам иностранцев. То и дело слышится: «делегат Гаутемалье», «делегат Аргентине», «делегат Гондураса», «делегат Боливии».

Спрашиваем: — Простите, а где вы учились? — В Мадриде. — А вы? — В Мадриде...

— Вы представляете свои национальные союзы студентов?

— Знаете, в некотором роде да, но...

— Какими проблемами занимаетесь сейчас ваш союз?

— Я немного затруднился ответить на ваш вопрос, так как не был у себя в стране уже четыре года.

М. ШЕЛЕПИН,
А. ШАТИЛОВ

В СТРАНЕ, УЖА

гаты показывались очень редко. Зато на все ужины, обеды, приемы они являлись без малейшего опоздания.

Спускаемся в Бар. Садимся за столик. К нам подсаживается юркий блондинчик с маленькими усиками.

— Я из СЕУ, тоже делегат конгресса. А это американка, изучает философию и арабский язык в Мадридской университете.

Он представляет нам свою спутницу. Разговор идет об испанской живописи, американской литературе, о театре, о трудности перевода художественных произведений на иностранный язык.

— Я несколько лет жил в Чикаго, — говорит наш знакомый.

— Тогда вы очевидно читали Джек Лондона в подлиннике?

— Кого?

— Джек Лондона.

— Вы, вероятно, неправильно произносите его имя. Напишите.

Пишем.

— Нет, к сожалению, не слыхал, — отвечает блондинчик и тут же перестает вступать.

— Но в России не знают западного кино. Оно ведь у вас, кажется, запрещено?

Объясняем, что у нас демонстрируются десятки иностранных кинофильмов. В том числе и испанские. Блондинчик кисло улыбается и бормочет:

— Мы же не должны говорить о политике. Пойдемте.

В центральном холле останавливаемся перед указателем «Отдел по борьбе с безработицей». Только что перед этим мы выслушали краткую лекцию о том, что в Испании существуют единые профсоюзы для трудящихся и предпринимателей. И поэтому все возникающие конфликты можно легко разрешить, государству, мол, само заботится о предоставлении работы. Тогда зачем этот отдел?

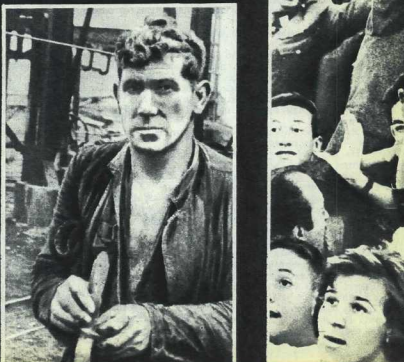
«1963 год будет годом процветания для Испании!» — об этом на нас лады кричат газеты. «1963 год явится новым этапом социальной политики правительства», — заверяет министр труда Ромео Горриа. Очевидно, стремясь проявить «отрагательную заботу о своем народе, «боясь» милитаризма, поземничать наудачу, генералиссимус вооруженных сил, великий адмирал, глава государства, глава правительства, глава «Движения» (новое наименование фашизма), глава синдикатов, своего рода аргентин королевства» Франко торжественно объявил под Новый год о введении минимальной гарантированной зарплаты в 80 песет (пять французских франков) в день. Об этом новгородном подарке Франко официальная пресса трезвонит до сих пор. Только об одном она умалчивает: уровень цен с 1956 года повысился на 80 процентов, и килограмм фасоли стоит сейчас 35 песет.

Франкистские заправилы кричат о социальном мире, о единстве интересов всей нации, а сами грабят испанский народ. Они не жалуют даже на военные нужды, на содержание полиции и охраны: армия поглощает четверть всех государственных расходов, полицейский аппарат (ми-

Червок, как полиция и армия — надежная опора диктатуры. Каполические палаты стремятся с детских лет надеть на испанцев кандалы икроусти и смиренности.

Крепкие руки и отважное сердце — вот что такое астурийский горняк, надежда и совесть Испании. В жиде прошлого года шахтеры Астурии возглавили грандиозную забастовку, охватившую районы Вискари и Гипускоа, верфи Бильбао, заводы Овьедо, Сан-Себастьяна. Десятки тысяч забастовщиков встретили гимном государство Франко. Этот парень был с ними.

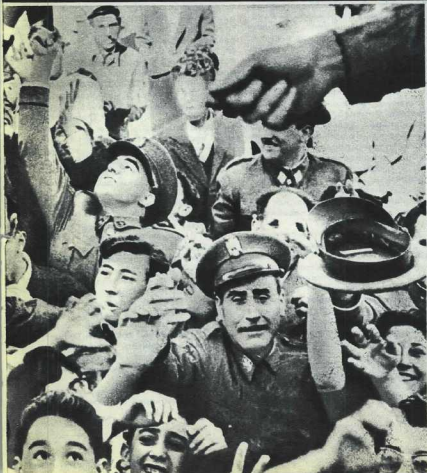

ЛЕННОЙ ФАЛА

Поллицески — центральная фигура на улицах Испании. «Нет от вас слышу!» — ругается торговака зеленью.

Испанские военнослужащие вместе с детьми ловят горячие сосиски. Их шедор рукой шваряют американские летчики, устроившие на своей базе новые открытые дачки. Этот снимок из журнала «Лух» идеально отражает характер испано-американских отношений: за чечевичную похлебку [для са сосиски] Франко продал Пенитанго землю Испанки под военные базы.

истерство внутренних дел и юстиции) — 12 процентов бюджета. А на образование расходуется лишь 0,9 процента национального дохода. Третья часть детей школьного возраста вообще не ходит в школу. Сотни тысяч рабочих вынуждены в поисках куска хлеба уезжать на заработки во Францию, ФРГ, Бельгию, страны Латинской Америки.

Широко разрекламированный план стабилизации экономики, принятый в 1959 году, с треском провалился. Так, производство зерновых и картофеля все еще ниже уровня 1931—1935 годов. Среднее ежегодное производство пшеницы на душу населения не превышает в настоящее время 150 килограммов, или на 20 килограммов меньше, чем было накануне гражданской войны.

Да, огни неоновых реклам и сверкающие витрины магазинов не могут скрыть того, что так хотелось бы скрыть Франко и его подручные. В один из дней нашего пребывания в Мадриде мы поехали в университет. Наконечто смогли поговорить со студентами.

Вот и университетский городок. Объявляют, что сейчас мы увидим атомный центр. Нас встречает полный изнеженный человек — шеф химического отдела центра. Он замечает скороговоркой, что рассказывать много не будет, а лучше покажет. Спускаемся в подвал. Шеф размахивает руками, сообщает: вот по этим трубкам, выверенным в разное время, подается в лабораторию вода, кислород, водород и что-то еще. Поднимаемся на первый этаж. Здесь нам показывают трансформатор. Он полностью обеспечивает все нужды отдела. Потом заходим в комнату, где стоят столбы и пробирки. Все.

— Простите, а где реактор? — спрашивает кто-то робко.

Сопровождающий неопределенно машет рукой в сторону и добавляет:

— У нас нет времени. Нам ждуть на агрономическом факультете.

Пока едем, узнаем, что в университете учится свыше тридцати тысяч студентов.

— А сколько надо платить за обучение?

Около трех тысяч песет в год, но у нас много стипендий, — посленно добавляет сопровождающий.

На прямых улицах городка много студентов. Поддержиме к агрономическому факультету. Нас представляет аккуратнейшему старичку — декану. Он предлагает осмотреть лабораторию. Длинные анфилады комнат. Все двери открыты. Почти у каждой выткнулись служанки. Столы, скамейки блистают чистотой. Микроскопы расставлены в строгом порядке и даже под одним углом. Нам нестойательно советуется заглянуть в них и говорит, что можно увидеть клеточное строение кашитанового листа или медленно передающиеся микроорганизмы. Сопровождающиеся нас все время спрашивают: ну как, нравятся? Лаборатория сельскохозяйственных машин. Аккуратнейшие макеты. Рядом молодой человек.

— Конструктор, — рекомендует его декан.

— А где же сами машины?

— Это в другом месте. Наши шарики гулко отдаются в пустыле аудиториях.

— А почему нет студентов? Декан улыбается.

— Сейчас же идет сессия. — Можно пойти на какой-либо экзамен?

Сопровождающий куда-то отбегает, затем сообщает:

— К сожалению, сегодня нет экзаменов. И вообще, коллега, пожалуйста, скорей. Нас ждет прием в кабинете декана. Там вы сможете поговорить со студентами.

В холле собралось много народу. Ба! Да это наши старые знакомые — делегаты Гатемалы, Гондураса, Боливии, Аргентины, члены испанской делегации на конгрессе. Спрашиваем:

— Нет ли здесь студентов этого факультета?

Оказывается, нет. Декан благодарит за посещения и выражает надежду, что факультет нам понравится. Выходим на улицу.

Вдур останавливаются несколько парней.

— Студца?

— Из Москвы!

И сразу водопад вопросов: сколько лет учатся в Московском университете, как чувствуете себя, Лидия, как организована спецназница в советских вузах, верно ли, что подписано соглашение с США об изучении космоса, сколько в СССР платят за обучение в вузах?

— Нисколько, — отвечаем мы. — Да, обучение бесплатное, и, кроме того, большинство наших студентов получает стипендию.

— На можем быть!

Вопросы сыплются как из рога изобилия. Что, как, почему, верно ли? Вокруг нас уже топта. Не успеваем открывать новые и новые пакеты «Дуката» и «Беломорка».

— А значи есть?

— Да. Вот Гагарин, Титов, Попович...

Через несколько минут мы сами уже просим дать нам закурить. Показывается сопровождающий. Пробираемся к нам.

— Извините, но нам надо ехать: опаздываем на заседание.

Ревет мотор автобуса.

— Приходите к нам на философский К нам, на физический! К нам, на геологический! К нам!

Сопровождающий спрашивает:

— Они вас, очевидно, замучили!

— Да нет, наоборот, наконец-то мы смогли поговорить с вами. А в самом деле, нельзя ли поехать на другие факультеты?

— Нет, вы же знаете, у нас нет времени.

Робата приветственно машут руками.

Наступил последний день пребывания в Мадриде. В последний раз проходим по его улицам, площадям, маврам, паркам. Уже поздно. Присаживаемся в сквере у памятника Кальдерону. И вдруг:

— Мигель! Альберто! Помните агрономический факультет?

— Ну, конечно, помини! Это ты, Хорхе?

— Уезжайте? Жалко; что мало побили. Я бы сказал: право: я не коммунист, но не думаю, что у нас в Испании только Франко, фаланга, полиция. Не может быть, чтобы у нас было долго то, что сейчас есть. О летиме, забастовочные ведь слышали! Так это — только начало. Будет у нас снова народный фронт или что-то другое, но будет обязательно и скорей! И там, у себя дома, расскажете об этом. Да свидания!

Конечно, расскажем, Хорхе, обязательно расскажем!

БОКС

ВОЛК В ДВОРЕЦ СПОРТА

вольно задумался над этим... Нет, далеко не сразу выработался мой собственный почерк в боксе. Он сложился при, так сказать, особых обстоятельствах.

Первые свои бои я проводил в высоком темле. На отходе от противника до тех пор, пока не побеждал нокаутом или пока гонг не прерывал пошу славити. Это был юношеский задор, подвратенный неутомимостью. Не знаю, сколько бы лет я вел поединки в подобной манере, если бы случайность или, вернее, обстоятельство не заставило меня задуматься. Искать свою манеру боя меня заставило поражение.

Случилось это в Ростове на юношеском первенстве страны. Во время подготовки я перетренировался. Первый бой выиграл легко. Победно начал и второй бой. А в третьем раунде ко мне пришло невнятное чувство полной апатии, безразличия к исходу боя, страшная усталость. Бой я все-таки выиграл. Но в следующем я уже совершенно не мог драться и только оборонился. А как я оценил защиту! Я понял: защита — это все. Как можно меньше получить ударов! Понял и другое. Только защищаясь, не добьешься победы. Значит, надо сочетать хорошую защиту с атакующими действиями, уверенными ударами. А хорошо ударить можно тогда, когда ты не устал, когда у тебя есть необходимый запас энергии. Я пришел к выводу, что надо экономно расходовать силы, чтобы их хватало на весь бой. В последующих выступлениях стал намечаться мой собственный стиль. Я активно работал левой рукой, приберегая правую для решающего удара, для контратаки. Это была, так сказать, отправная схема, которая потом обогащалась по мере того, как приходил опыт и мастерство.

Мой стиль выработывался под влиянием и других обстоятельств. Когда я вышел на большой ринг, то в нашем боксе господствовал силовой напор. Взял хотя бы мои бои с Надаром Дарбайсви. Очень сильный физически, Надар атаковал упорно и настойчиво, мало заботясь о защите. Невольно мне приходилось избирать защитный вариант, работать на контратаках. Я научился внимательно следить за соперником, подмечать малейшие промахи в защите и посылать кирасою правую перчатку. У Дарбайсви оказывалось столько незащищенных мест, что довольно

Фото А. БУДУКОВА

ВСПОМНИТЬ ПРОШЛОЕ

✽ Ровно десять лет назад наши боксеры впервые выступили в чемпионате Европы. Золотые пояса тогда завоевали Андрей Шатков, баран и Альбрис Шницас.

✽ Следующее первенство Европы состоялось в 1955 году. Чемпионами континента на этот раз оказались Геннадий Шатков и Альбрис Шницас. Кроме того, советские боксеры завоевали первое общекомандное место.

✽ В 1956 году советский бокс держал серьезные экзамены на XVI Олимпийских играх в Мельбурне. Олимпийцами стали Владимир Сафонов, Владимир Енгибарян и Геннадий Шатков. Наша сборная была первой и в общекомандном зачете.

✽ Чемпионами Европы 1957 года стали советские боксеры Олег Григорьев, Владимир Енгибарян и Андрей Абрамов.

✽ Европейский чемпионат 1959 года вновь выявил трех советских боксеров-победителей. Золотые пояса чемпионов получили Влади-

мир Енгибарян, Геннадий Шатков и Андрей Абрамов.

✽ В Риме на XVII Олимпийских играх 1960 года наши боксеры выступили неудачно. Лишь Олег Григорьев поднялся на верхнюю ступеньку пьедестала почести. Сергей Сивко и Юрий Раюник завоевали серебряные медали.

✽ Зато настоящий триумф закончился послед-

ний европейский чемпионат, прошедший в Белграде в 1961 году. Восемь советских боксеров получили право участвовать в финальных боях. Такого не было ни на одном турнире! Сергей Сивко, Алеша Туминич, Рихардс Тамлис, Борис Лоутин и Андрей Абрамов завоевали золотые медали. Конечно, и общекомандная победа была наша!

ПОВЕЛИИ МОЛНИЙ

мало ему приходится являть не по-лу. Много интересных и напряженных боев было с Борисом Назаренко и другими сильными мастерами. Я научился не только встречать атаку и выдерживать ее, это давало ощутимые преимущества, ибо я был готов к резкой контратаке.

Мой почерк подражал различным тренерам. Сидящие Андрей Васильевич Тиминко, поблагодарив за мои бои, сказал:

— Ты же сильный парень. Так почему ты не бьешь левой рукой? У тебя левая рука есть и ней координация. Тышинушу у брата тем, что он научил меня подготавливать обстановку и неожиданно проводить удар левой. Впоследствии я немало брал победы именно после удара левой.

Аристоксис как-то сказал мне: — Все хорошо, Геня. Но почему ты не используешь уклоны и ириши? Эффективнее, быстрее, практичнее становится верным. Никак попасть не может.

Уклоны были важны во вооружении и вскоре органически вошли в мой стиль боя.

Благодарен я Евгению Огуренкову. Именно он помог мне овладеть «станциям» ближнего боя, в котором в свое время был величайшим специалистом. В моей манере достойное место заняли серии с обеих рук. Удары по корпусу вошли в мой арсенал после тренировок с Михайловым, который отлично умел их проводить.

Каждое новшество мы с тренером Иваном Павловичем Осиновым разбатывали применительно к моему почерку, чтобы тот другой прием не выпадал из общей схемы.

Говоря о почерке боксера, мне хочется привести несколько примеров, которые наглядно показали бы, как важно для спортсмена иметь свое, если можно так выразиться, лицо на ринге.

Я уже рассказывал о Володе Енгигарияне о том, как блестяще технично и не менее блестяще манера боя. Я только хочу подчеркнуть еще раз, что это не искусственно придуманная манера. Она основывается на физических данных, инстинктивной реакции и характере Енгигарияна. Или звать, например, Володю Сафронова. По профессии он художник. И его манера боя легкая, изящная. Называю еще другим — и пропалет все. Волода перестает быть ярким боксером, с качествами, присущими только ему одному.

В этой связи хочу напомнить одно событие, которое в 1957 году приятно удивило и взволновало знатоков бокса. На ринге мы увидели молодого астронавта боксера Эдвина Шейкина. Это был приятное открытие. Никому не известным двадцатилетний боксер, на счету которого был всего двадцать один бой, стал чемпионом страны. Случай невероятный! Но надо сказать, что Шейкиан завоевал красную майку чемпиона по праву. Он показал себя блестящим боксером с хорошей техникой, неплохой силой. Что же ему принесло успех? В первую очередь якую индивидуальную почерк в бою, к которому никто не мог подобрать ключи. Отличное умение и выдержка, легкость передвижения по рингу. Все говорило за то, что со временем Леонид Шейкиан вырастет в боксера экстра-класса.

Прошло два года. Я снова увидел Шейкиана на ринге. Увидел и не узнал. Это был не Леонид, а какой-то другой боксер. Куда девалась его легкая, быстрая изящная манера боя, которая ставила в тупик сопер-

ника, помогала одерживать красивые победы. Теперь же был драчун, который лез напролом, стараясь нанести решающий удар. И проигрывал!

Легко я уверен, что такая метаморфоза произошла только с «помощью» тренера. Если боксер потерял свою манеру боя, он вряд ли добьется ощутимых успехов, ибо стиль по черку — основа друга, примерно одинаковы по классу.

Не могу не вспомнить и такого блестящего мастера, как Шошикас, с его удивительно манерой боя, которую на ринге было выдержать у тяжелозна. Он легко маневрировал по рингу, словно не было у него ста килограммов веса, вел бой исключительно технично и красиво.

Помнится, анализируя итоги первенства Европы 1953 года, мой тренер И. П. Осилов говорил мне, тогда еще совсем молодому боксеру: — Эра боксеров-драчунов кончилась. Средние и тяжелые турниры нет ни одного, который бы вел бою в силовой манере. Прежде всего искусственное обмирание за счет технических и тактических средств при отличной физической подготовке — вот путь, по которому пойдет бокс.

Что же, тренер мой оказался прав. Последующие европейские и олимпийские турниры это наглядно доказали. Победителями неизменно становились наиболее техничные и разносторонне подготовленные боксеры. Их успехи на ринге — это только свидетельство. Почти все наши боксеры, входившие в последние годы в сборную, обладали своим, только им присущим очарованием и отточеной техникой. Не случайно именно нашему Туминшу присужден приз за лучшую технику на чемпионате европейского первенства. Те, кто видел его в ринге, оценили и технику и тактическое мастерство этого действительно талантливого боксера.

Я специально так подробно остановился на тех, кто является мой стиль боя. Сделая я это совсем не потому, чтобы кто-то стал копировать меня или другого боксера. Просто мне хотелось разбудить творческую мысль молодых боксеров. Ведь еще встречаются иногда на наших рингах этакие лихие «рубильники».

— Да, теперь наш Лорец спорта становится эрой интереснейших схваток боксеров. Давно известно, что прогнозы — дело неблагоприятное. Но мне хочется привести мнение издателя журнала польского бокса, как любящего называть Феликса Штамма его воспитанника. Я очень высоко ценю мнение Штамма, поэтому что это действительно высший авторитет в боксе.

Штамм заявил, что, по его мнению, сильнее других сейчас советская команда. Свидетельство тому — успехи последних недель, завоеванных в Белграде советскими боксерами. Несомненно, они прибавят к мастерству. К тому же среди советских спортсменов выросла плеяда молодых мастеров. Польский тренер не сомневается, что «хозяева поля» — советские боксеры — в худшем случае повторят белградский успех, хотя у них есть все шансы выиграть еще лучше. Боксерами наших мастеров ринга Штамм считает боксеров Италии, ГДР, ФРГ и Польши...

У боксера есть такое выражение: «Ринг — это поле боя». И действительно, московский ринг امروزе пожимает, мы становим свидетелями красивых боев и, конечно, различных сюрпризов...

Светом здания, облицованном неравнечисленной плиткой, Нетеропилое иду мимо него прохладно, пощупать травяную, мягко шуршат шныри автомобилей. Иногда слышны выстрелы из юрсулов, что стоят за этим зданием, озаряются брызгами голубым светом, и тогда на улицу доносится резкий, хлыв и сильно приглушенные звуки, напоминающие сухие выстрелы. Во время электоронического семинара институте имени В. И. Ленина идет обычный трудовой день.

Конечно, в второй экскурсии не расказано обо всем, что здесь делается. Мы заждались лишь в некоторые

во время опыта и проксимирование дрожащая синяя веточка молнии. И тогда раздается резкий, похолодевший выстрел треска, а в соседнем автомобиле. Иногда слышны выстрелы из юрсулов, что стоят за этим зданием, озаряются брызгами голубым светом, и тогда на улицу доносится резкий, хлыв и сильно приглушенные звуки, напоминающие сухие выстрелы. Во время электоронического семинара институте имени В. И. Ленина идет обычный трудовой день.

Конечно, в второй экскурсии не расказано обо всем, что здесь делается. Мы заждались лишь в некоторые

Перед опытом особенно важно проверить схему модели трансформатора. И Андрей Лоханин вместе с Николаем Жуковым, Лосей Агроскиной, Славой Очкасовым и Олегом Коробовым еще и еще раз всматриваются в сложнейшие сплетения линий.

отделы. Впрочем, просторные, сверкающие чистотой лаборатории институте с такими же успехом можно назвать и цехами: ученые выдают здесь удивительный личный ринг, и здесь же их мысли обретают конкретные формы, становится реальностью.

— Над дверью замглась красная ланочная надпись: «Осторожно, высокое напряжение!» А из-за двери доносится странное, напоявляющее выстрелы, звуки. Те самые звуки, которые привлекали наше внимание, когда мы были еще на улице. В огромном зале, в котором уместился бы семизатный дом, сейчас ни души. В отделе высших напряжений идут испытания новейшего высоковольтного оборудования для экспериментальной линии электоронизации.

Попробуйте потянуть ручку двери на себя — ничего не получится. Попытаться открыть дверь — тоже не удастся, система автоматического надзора не позволяет войти внутрь. Сейчас в зале царство рождения иловом молнии. Но вот спит ошончен, надписи над дверью гаснет. И мы можем войти внутрь. Открываем ящик — и сразу же слышно слово пришедший из лета, вальс ошны. В середине зала висят два огромных медных шара, между которыми

тор импульсных напряжений. Испускатор молнии. Это не что иное, как испытательный стенд для опытных образцов аппаратуры, созданных инженеры нового типа изоляторы или замыкатели, получают новые изоляционные конструкции, тогда-то отправление их «объекты» генератора импульсных напряжений. А сзади этих опытных образцов: надписки достигают сотни миллионов вольт! Такой ток может выдержать далеко не каждая конструкция, но зато когда она вынесет испытание, тогда ее смело можно ставить на самый ответственный участок высоковольтной линии.

— Теперь несколько слов о чеховском, который повелевал молниию, об Андрее Лоханине. Впрочем, он не один выступает здесь в роли «органов», но и в другие часы, когда мы пришли в отдел, все еще общался со своими менторонами...

Всего лишь несколько месяцев Андрей энергетический институте имени В. И. Ленина по соседству с институтом, где он работает, в качестве научного сотрудника, и у него целая группа молодых спе-

«...долг каждого гражданина, образно говоря, чувствовать себя милиционером, то есть человеком, который стоит на страже обеспечения общественного порядка, на страже охраны богатств общества».

Н. С. ХРУЩЕВ.

(Из речи на совещании работников промышленности и строительства ЦСФСР 24 апреля 1963 года).

СЕДЬ ВЕДУТ ИЗ НИЖНЕГО ЖУРАВЛЕВОКОГО

Кирпичный, побуревший от времени корпус экспериментальной фабрики «Спортбушь» № 2 был сплутан в глубине двора старыми домами и заборчиками. Железные решетчатые ворота и проходная будка выходили в широкий спокойный переулок. Прохожих мало, машины совсем редки.

На другой день после разговора с Матюшиным Гена Дубров и Валерий Дембицкий пришли в Нижний Журавлевский. План был прост. Если на фабрике в больших количествах пропадают кожа, значит, нужно доложить ее куда-то переправлять. Выносить совсем незаметно трудно. Руком кожи или стопка подметок не иглока. Значит, предположили комсомольцы, проще всего нести в открытую: завернул в газету аккурятный сверточек — то ли батон в нем, то ли книги. Под мышку — и до свидания. Правда, этот вариант тоже имел для жуликов свои трудности: как прятать кошку от рабочих в шаке, как проходить через будку? Но Матюшин посоветовал им проверить именно эту возможность, а он, оперуполномоченный, знает, какими дорожками уходит краденое. Прошло полчаса. Час. Ни на минуту не высклаки ребята из виду ворота фабрики. Приехал грузовой фургон — привез кошку с завода, выбражи в распухших пальто девочки. Ничего подозрительного.

До конца смены оставалось часа два, когда из проходной вышел мужчина — темнов пальто с одами, карекулевая воротничком, такая же шапка. Остановился на минуту, взглянул перчатки, переключил из одной руки в другую пухлую авоську и пошел вниз по переулку, к метро.

«Гарбуз. Закройщик». Ребята вспомнили фотографии, виденную у Матюшина. — За этим надо пойти...»

В метро народу немного. Ребята сидели напротив закройщика и незаметно разглядывали его. Грустные складки морщины на лбу придавали тому вид то ли усталого, то ли расстроенного человека.

— Площадь Революции! Неожиданно — так бьваает, если, задумавшись, прозеваешь свою остановку, — Гарбуз вскинул и бросился на платформу. Ребята мигнули за ним в закрывающиеся двери. Он семенил во восторг, по эскалатору вверх. Перешел на станцию Проспект Маркса и поехал в сторону Сокольников.

Ребята едва успевали за ним. — Видно, всегда так бегаёт, воровал! — зло сказал Генка. — Бойтса...

— Интересно, куда он едет? Ведь живет-то на Кропоткинской, — заметил Дембицкий. Сокольники — станция конечная. Вслед за Гарбузом ребята вышли на улицу. Уже стемнело. Уличные фонари бросали желтоватые тени на сугробы, дома, листвя прокожи.

— Отстанем немного, — шепнул Валерий. Но карекулевая шапка Гарбуза адргу мельнику перед самыми лицами ребят: он олять нырнул в дверь востябия метро. Расставив прокожи, повернулся за ним. Шапка пропала, но востябью, задержался возле продавца газет. А через минуту снова показался на улице и свернула в одну из переулков.

Теперь Гарбуз не спеша шёл по краю тротуара. Ребята задержались на углу: еще заметит. Остальное произошло в считанные секунды. Мельнику зеленый огонек такси, Гарбуз поднял руку, ступил в двери машины... На тротуаре никого не было. Только мигали где-то вдали задние огоньки «Волги».

Это началось на исходе короткого зимнего дня. Николай Матюшин, старший оперуполномоченный ОБХСС, сидел за своим рабочим столом. На столе, обычно заваленном объективами скорострельных, сегодня — тоненькая папка. Пройдет время — и она распухнет от документов. И все они составят ту самую цепочку, которая вытравит на свет преступников. Цепочку эту должен выковать он, Матюшин, вместе с комсомольцами, его добровольными помощниками.

Приоткрылась дверь. — Вызывали, Николай Степанович? — Заходит, ребята. Вошли двое: Валерий Дембицкий — высокий, с живыми черными глазами — и Геннадий Дубров — коренастый, меторопылый в движениях. Сели. Закурели. Матюшин отрял папку.

— Дело вот какое. На одной фабрике орудают шабля жуликов. Это — в Нижнем Журавлевском. Не подозреваю у нас несколько человек. Вам нужно будет установить их связи. Все. Но учтите, придется работать почти каждый вечер. Справитесь ли? Сидюк на усталость и нехватку времени не будет. Значит, согласен? Тогда начинайте вот с чего...

Через день они снова пришли в Нижний Журавлевский. Растрезанные. Первый же след потерли. Следов комсомольцев, члены Перомаяского оперативного отряда Москвы, добровольные помощники милиции...

Когда увидели в дверях проходной человека — его широкоулое лицо, небольшие маленькие глаза крепко запомнили по фотографии в ОБХСС, — пошли за ним осторожно, но буквально не сводя глаз.

Грузчик Хусетдинов впрямил их на Ярославский вокзал. В вокзальной зоне легко затаиться. Боясь, чтобы не случилось, как в Сокольниках, Дембицкий и Дубров вплотную шли за грузчиком.

... С шестого пути отходит электропоезд до Пушкино, — сообщил репродуктор. В последнюю минуту протиснулись в вагон грузчик и его преследователи. Было темно. Они стояли в тамбуре, прижались друг к другу, тяжело дыша от быстрой ходьбы и слегка расквашиваясь в такт мерному движению вагонов.

В Пушкино вышли. Грузчик оглянулся и направился к одинокой будке на краю платформы. Через несколько минут оба неподозранных сидели в станционном буфете. Дембицкий и Дубров стали у стойки, взяли по кружке пива, прилежили, покосив глаза по сторонам.

Рядом с Хусетдиновым сидел старик. Щенки его заросли серой щетиной, крупные складки морщины пересекали красное с фиолетовыми прожилками лицо, пыльно поблескивающие глаза щурились. Он достал из мармала ничутьную бутылку водки, разлил ее в граненые стаканы. Молча кончили, опорожнили.

— Получай, старик, — грузчик вынул из-под пиджака сверток. — Чуть деньги были застрял. Сам привезли...

На улице они разошлись. Хусетдинов возвращался в Москву, а старик пошелся в поселок. Ребята немедленно двинулись за ним. Долго шли вдоль бесконечных заборов. Устали, три часа назад кончили смену на заводе и еще не поели, не отдохнули. Наконец старик остановился у одной из дач и открыл калитку.

— Сегодня нам повезло, — довольно засмеялся Генка, когда ребята возвращались на станцию.

ФУРГОН ПЕТАЯЕТ В ПЕРЕУЛКАХ

...Сегодня в кабинете Матюшина старший оперуполномоченный Поликарпов, Валерий и Генка. У ребят блещет глаза — от волнения, а может быть, и от гордости. Шутка ли решающая минута. Еще час, два, и... Говорит Матюшин:

— План такой. Сейчас выезжаем к фабрике. Жулики попытаются, по нашим данным, вывезти сегодня большую партию кожи. Выпущен протык на груз — якобы возвращает на завод привезенную вчера бракованную партию. Но, по заводским документам, выера на фабрику кошку на отпра-

ляли. Значит, дозвует ее на завод... Наша задача — не упустить, поймать, как говорят, за руку...

Машина остановилась недалеко от фабричной проходной. Сидели молча. До боя в глазах всматривались в сумерки за ветровым стеклом. Сузие щельки «дворника», глухая вибрация машины — мотор не выключали, — пустой переулок, бесконечный монотный след... Темный силуэт корабля автофургона заслонил переулок. Из ворот фабрики медленно выехала машина, та самая... Пофери нажал педаль газа, и «Гобеда» бесшумно пошла за темным фургоном.

Начала в большом потоке движения ехали небыстро. Миковали широкий элктроавтомобиль

мост, взяли влево, к Бугунинской, и замелькали перулки, перулки, перулки.

Машини не спускал с фургона глаза. Работать — тоже. И вдруг, ни с того, ни с сего, что уже второй раз едут теми же улочками. Значит, цель рядом.

— Гена, кто у нас здесь живет? Дубров, державший в памяти все адреса, ответил:

— Липатов. Заведующий складом.
Машини повернули к шоферу:
— Жими!

«Победа» обошла фургон. Нужно было первыми подвезти их до дому Липатова. Расступая клубок перулок, «Победа» выехала на недавно отстроенную улочку. Здесь в пятиэтажном доме жил заведующий складом фабрики «Спортувза». Молча вошли в подъезд. Несколько минут не-

терпеливо перемалывали с ноги на ногу. Прислушались к улочному шуму. Машини эхали мимо. Гудение моторов нарастало и углубляло, снова росло, снова глыбо мило. Потом резкий визг тормозов. Хлопнули дверцы.

В подъезд протиснулся человек, согнувшийся под тяжестью большого мешка. Сзади мешок поддернал другой.

— Осторожнее, осторожнее, — шептал он. — Дай я пройду вперед, дверь открыта.

И тут его брови вздернулись от неожиданности и страха. На лестничной площадке, перед дверью квартиры, стояли четверо.

— Липатов? Николай Ильич? Мы из ОБХСС. — Он показал удостоверение. — Пройдите в квартиру, посмотрите, что вы привезли.

Наброто тонкого губа лицо «носильщика» побелело. Мешок не удержался в трясущихся руках и грохнулся на пол. Липатов долго звенел ключами — все не мог попасть в замочную скважину.

«Носильщик» подошел к Липатову и сидел на стуле у окна, раскланывая опустившиеся. Горка кожи посреди комнаты росла и росла. Хлопки квартиры беспечно и пугливо следил за движениями оперативников, но с каждым новым куском кожи, казалось, все больше успокаивался. Возвратиться больше не из-за чего. Все нахлещ. Все! Машини поддал ему ордер на арест. Тот машинально расписался и встал.

— Расскажи еще раз о ваших сделках с Киселевыми.

Гарбуз поднял голову. Два пары глаз, притаившихся в глубоких морщинах, жестко глядели на него. Он опять опустил голову: потом развел руками, показал на кожу:

— Что же, Михаил Иванович. Сами понимают...

И машини уже рассказали: украденную с фабрики кожу приносил Киселеву много раз. Покупал тут и помалу и большими партиями, никогда не отказываясь: кожа с экспериментальной фабрики была самого высокого качества. Платил за нее, не считаясь. Обувь из такого товара у сапожника не задерживалась.

Киселев сидел, упершись руками в колени, и тяжело глядел на Гарбуза.

— Брешь! Не докажешь! — выдал он.

Тихие, аляповатые ноты голоса уже было. — Придется нам посмотреть, — сказал Поликarpов, — есть ли у нас кожа.

Объясничать не дал. Ни в комнатах, ни в кухне ничего не нашли. Хозяева заметно оживились.

И тут Гена вспомнил, что видел в саду какие-то постройки.

Пошли в сад. Спустились по узкой, крутой лестнице и очутились в большом погребе, сплошь заставленном ящиками, коробками, мешками. Это был настоящий продуктовый склад. Улицы яблок, вороха проросшей картошки, ряды банок с вареньями и соленьями. По стенам — охорона, связки колбас. Больше картонные коробки с колбасами и бутылки спиртных напитков на полках.

И все это гнило, плесневело, сохло.

— Зачем вам столько? — вырвалось у Валерия.

— Запасец, молодой человек, на черный день. Вам этого не понять, — ответил Киселев.

Едва пересившая отравление, разбранив «запасы», Гена в саром углу наткнулся на кучу старых, рваных кожан. Коричневые, серые, красные...

Под щипками и банками Поликarpов с Валерием тоже обнаружил целый склад — заготовки для туфель и сапог.

— Почему старбасе выходил из погреба?

— Когда все вернулось в дом, Валерий показал Геннадью на «рационализатора». В глаза Гарбуза мелькнуло на мгновение радостный огонек: не я один...

— Волки! — злобно буркнул Гена.

— Машини залопухн разбухшую от документов папу и срптал ее в сейф. Одинадцать человек причислен к уголовной ответственности за хранение кожи с экспериментальной фабрики «Спортувза» № 1. Жилин и спекулянт получили по заслугам.

В открытое окно несся звонкий шум майского дня, залпах распустившейся листвы.

— Вылезайте, Николай Степанович! — заглянули в комнату Гена Дубров и Валерий Демицкий.

— Заходите, ребята. — Вот наше дело...

латору на станции «Площадь Революции». Шагнули с дамской лаваты и, на мгновение раньше, чем понял, почувствовал — трое мужчин идут к нему. В каракулевой шапке голову старо жарко и больно, как в тисках. Гарбуз взглянул на квадратик удостоверения и услышал слово издалека:

— Пройдите в комнату милиции.

Поликarpов, Валерий Демицкий и Гена Дубров тут же осмотрели сверток. Так и есть: раскрутили верха спортивных туфель.

— Глубокие морщины на лбу Гарбуза сосредоточенно сдвинулись. «Все. Конеч. — пронеслось в мозгу. — Кто же? Сейчас скажу. И они б на моем месте. Тоже...»

— Киселеву. Сапожнику-кустарю, — сказал он.

— Адрец?

— Крестьянская застава, перулоку...

— Через полчаса машина была на старой, несущую улочку.

— Здесь, — указал Гарбуз на забор, за которым, плотно укутанный в сугробы, виднелся домик.

Поликarpов и Валерий вошли в калитку. Дубров с Гарбузом остались в машине. «Рационализатора» поглядывая на своего конвоира: где-то он встрачал этого парня. Да и лицо этого, высокого, тоже показалось знакомым. Но где он их видел! На фабрике? Кажется, нет. И вспомнил: раза два встречал на улице, в метро. И не обращал внимания: мальчишки... Так вот они какие, эти мальчишки!

Обитатели домика, пожилые, тизие люди, были немало удивлены необычным визитом.

Да, они нигде не работают. Муж сапожничает, а жена пошивает ему да хозяйство ведет. Липатов копается на участке. Живут небогато, кое-как перебиваются: много ли сейчас зарабатывает частными заказами! Но у них бывает так кое-что, заказчик. Но они их знают только по имени...

— Муж и жена Киселевы говорили тихо, неторопливо, сидели за столом чинно — руки на коленях. Валерий вдруг захотелось извиниться за ошкун и уйти. Поликarpов кивнул Валериев:

— Пройдите.

Гарбуз зашелся в дверях, нерешительно пододвинулся. Ему не ответил, равнодушно поглядывал.

Нет, они не знают этого человека. Видят его впервые. Ступица достают кому? Заказчик приносит. А у них самих — никаких связей...

— А вот этот гражданин, — сказал Поликarpов, — утверждает, что vez вам заготовки, чтобы продать за хорошую цену.

Он развернул сверток, отобранный в метро у Гарбуза, и обернулся к нему:

«Если у начальника закроечного цеха фабрики спортивной Би, кто лучший закройщик, то среди прочих он наверняка назвал бы Рахмеля Афроимовича Гарбуза. Рационализатор! Постоянно, из месяца в месяц, перевыполняет план. Не только лучше работает, но и головой. Сырь экономит!»

И Гарбуз действительно экономя. Нижно из куска кожи выкроить верха, скажем, для трех-четырех пар ботинок. Человек недоумачу так и кривит. А вот Гарбузу, прежде чем резать, семь раз отмерит да поразмыслит устно. И получается, верха не для четырех, а для шести пар ботинок.

И сделать-то это нетрудно: нормы старые, низкие, рассчитанные на листы кожи меньшего размера. Вот «рационализатор» и выкрутается. Но из шести только пять пар попадают на обработку у следующего цеха. Шестая скрывается в ящиках стола Гарбуза. Теперь только с фабрики унести. А это тоже дело нехитрое. Несколько заготовок он вынесет сам. Но бывает, что на складе у Липатова собирается порядочная партия кожи — тоже результат «рационализаторской» деятельности. Тогда вывозят ее на машине, выписав фирменные документы. Грузчик Хрус Хуситиднов и шофер Виктор Клоков — свои люди. От продажи сапожникам-перукиникам краденной кожи они получают долю...

...Точно рассчитанными, ловкими движениями Гарбуз резал заготовки. Все шло отлично. Как всегда, образовался экономайер. Звонит, деньги будут! Да еще за Липатовых кругленькая сумма: вчера он на фургоне Клокова отвез к себе кое-что...

В дверях цеха Гарбуз увидел Хуситиднова. И рассердился. Сначала раз говорил, что в цех к нему не ходили! Зачем афишировать знакомство? Он кивнул головой и минут через пять вышел на лестницу.

— Что у тебя! — спросила раздраженно, но, по-старому на грузчика испугавшись. Обычно всеведое и наглое лицо его было угрюмо.

— Засыпался, — шепнул тут. — Липатов и Клоков засыпались...

«Рационализатор» вернулся в цех внешне спокойный и невозмутимый. Только сердце было тяжело, нервно да в голове калейдоскопом вертелась обрывки мыслей. Выдадут или не выдадут! В stove кожа, «экзотическая»... Сегодня же выведут! Самому... А может быть, все-таки не выведут!

Хлопнула дверь цеха. Кто-то вошел. Пот выступил на лбу, затряслся кожа, державшие лежало и жом... Ух ты!.. Не этот раз сон... С трудом дождался Гарбуз конца смеха.

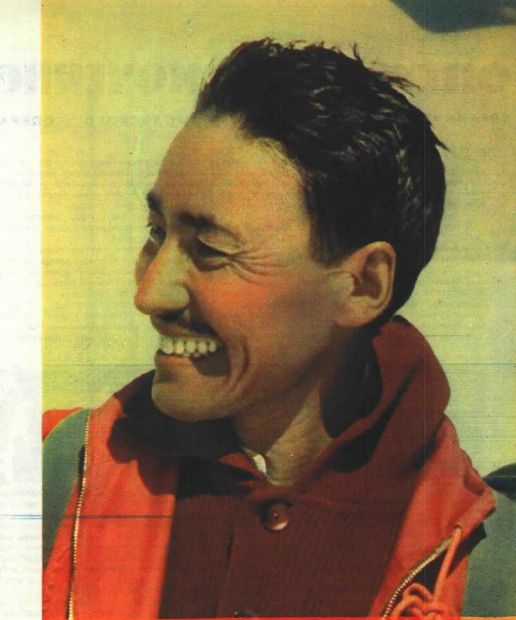
Вечером он не пошел, как обычно, к метро. Сел в троллейбус, доехал до центра. Жемая под мышкой сверток, почти бегом спустился по эска-

ЧЕЛОВЕК, СТАВШИЙ ЛЕГЕНДОЙ

Е. ГИППЕНРЕЙТЕР

Фото мастера спорта

В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Авось лет назад мир облетела сенсационная новость: двум участникам английской экспедиции удалось покорить «высотный» полюс земли — Джомолунгму (Эверест) — 8822 метра. Высочайшей вершины мира 29 мая 1953 года достигли Невозеландец Эд Хиллари и индеец Гампалав из племени шерпов Тенцинг Норгел.

«Просто и безыскусно описывает отважный горец

охватывая его в эти минуты чувства: «В великий момент, которого я ждал всю жизнь, моя гора казалась мне не безжизненной каменной массой, покрытой льдом, а чем-то теплым, живым, дружелюбным. Мне казалось, что я могу раскрыть крылья и прильнуть к ней мои любимые горы...»

Да, горы для Тенцинга — это все. Восточным мальчишкой, пася отцовских яков и овец на крутых горных пастбищах, он подолгу любовался сверкающими снежными пиками. Наблюдая стремительный бег потоков. Чутко прислушивался и грохоту далеких лавин. Мечтал покорить когда-нибудь гору, такую высокую, что ни одна птица не может перелететь через нее». Так в его народе называли Джомолунгму.

Семь раз выходил он на штурм вершины. Терпел неудачи и начинал снова и снова, но «...не с чувством ожесточения, которое ведет солдат на врага, а с любовью, словно дитя, взбирающийся на колени своей матери».

И вот заветная цель достигнута! Выйдя на Джомолунгму простым шерпом, он вернулся героем, которого знает и любит весь спортивный мир. Имя его вошло в сказания и песни, которые можно услышать во всех уголках Востока. Оно ослепило мифами и легендами.

Мне, советскому альпинисту, посчастливилось лично встретиться с Тенцингом и провести в кругу его семьи в далеком бенгальском городе Дарджилинг, на севере Индии, два незабываемых вечера. А через год я обаял его на советской земле. Три недели мы вместе путешествовали по нашей стране.

Шерпы — маленкое племя, живущее в высокогорных долинах Непала, завоевало признание и уважение альпинистов мира своей исключительной выносливостью, трудолюбием и мужеством. Без помощи этих прекрасных высотных носильщиков не обходится ни одна крупная экспедиция в Гималаях.

За выдающиеся альпинистские подвиги шерпов награждают медалью «Тигран». И наш гость, наваяев вышших орденов многих стран, больше всего дорожит этой скромной бронзовой медалью с изображением головы тигра на фоне Джомолунгмы.

В Москве Тенцинг первым из зарубежных спортсменов за большой вклад в развитие мирового альпинизма и укрепление мира и дружбы между спортсменами Советского Союза и Индии награжден медалью «За выдающиеся спортивные достижения».

Центральный Кавказ. Альпинистский лагерь «Адыл-Сун». Вместе с участниками летней горнолыжной школы Тенцинг занимается на лыжах, фотографируется.

Отцы, на Кавказе есть горы Эльбрус, самая высокая в Европе, сходи на нее... попросила его дочь Инма перед отъездом.

Она тоже любит альпинизм и потренировалась в Гималаях на высоту более 7 тысяч метров.

И вот мы бредем по льду, а то и по полю в снегу вверх по склону Эльбруса. Вместе с нами идут Интели Бананаских гор своим Исмаил Джергини, братья Мосфи и Джумбер — всего семь человек.

Высокогорная техника «Приют-11» на высоте 4 200 метров на два дня становится

ся нашим домом. Миша Хергвин на стальных «ножах» уходит по ледовому склону на несколько сот метров вверх. Там, высоко-высоко на склоне горы, он вырубает ледобором «мудные» от сердца слова: «Тенцинг, добро пожаловать!»

Начало им должны выйти на штурм, но неожиданно погода портится. Ураганный ветер. Снежная метель. Видимости почти никакой. В таких условиях идти на вершину — безрассудство. Снежная облака уходят вниз. А вечером мы уже в шахтерском городе Тьиньмазе. Весело звучит кабардинская музика. В кругу танцующих горняков — «Тигр снегов», почетный гость комсомола-молодежной свадьбы.

И снова под крылом самолета заснеженные дребезги. Мы в Грузи — «колыбели советского альпинизма». Тенцинг очень вынослив, но даже ему порой приходится довольно трудно от шагового грузинского гостеприимства...

В Казахстане совершаем увлекательную прогулку верхом на конях от высокогорного пастбища Мядо вверх по ущелью. Нездвор Алма-Ата в переводе означает «Отец яблоки». Наш гость уезжает отсюда на только что принятые воспоминания и сувениры, но и прекрасные алмаатинские яблоки «аворты». Нам он хочет уступить премьер-министра Инди Керу.

В Ташкенте герою Дюномолуги дарят целый набор расшитых национальными узорами тюбеек. К всеобщей радости, Тенцинг тут же надевает одну из них.

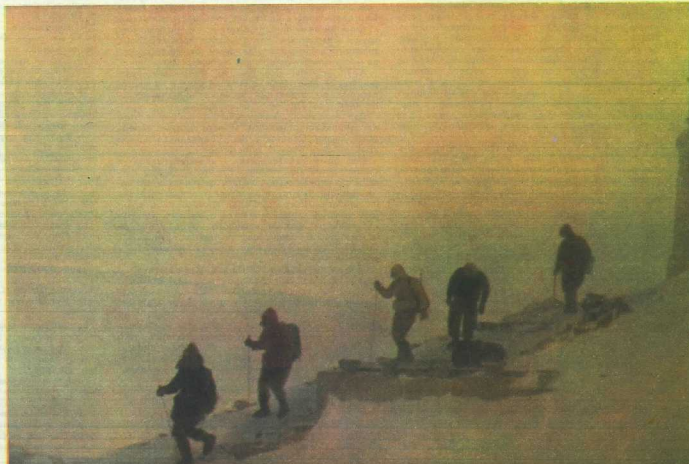
Поездка близится к концу. Страна Москва. Здесь его уже ждет много писем и телеграмм из тех краев, где он не сумел побывать. Вот некоторые из них.

Кубышевская секция альпинизма сердечно приветствует «Тигра снегов» и желает, чтобы дружба народов была такой же крепкой, как горабы алатауцев. «Дорогой Тенцинг, — пишет Светлана Коробова, — прочла книгу «Тигр снегов» с большим интересом. Понюхала Вас Ваш народ, за что дома меня зовут шерпа. Добро пожаловать и нам в Ленинград!»

Супруги Кондратьева из Владимирской области, узнали о приезде Тенцинга по радио. Альпинизмом они никогда не занимались: он слесарь, она домашняя хозяйка. Но, прочта его книгу, «такую простую, домысливаю и мужественную», они решили тело приветствовать покорителя крупнейшей вершины планеты и подарить его дочерей и супругу с Международным женским праздником — днем 8 Марта.

А вот письмо из Молдавии. Написано оно по-английски крупным детским почерком. «Члены краеведческого кружка Дорца пионером г. Бендеры написали «дорожному товарищу Тенцингу», что они тоже очень любят путешествовать и всегда готовы к трудным походам. Их отряд занимает уже пять лет пейзаж первого места среди туристов Молдавии. Этим зимой они побывали в Карпатских горах. Тенцинг был очень тронут письмом и послал пионерам свое фото с автографом.

Перед отъездом нашего гостя на родину я спросила его написать, месячной слезой читатель журнала «Снега». Вот что он ответил! — Я очень доволен поведением по вашей замечательной стране. Для меня это большая честь. Горы делают людей дружелюбными. Теперь у меня в СССР много новых друзей... Самое большое впечатление на меня произвели советские люди. Я желаю им и особенно вашей молодежи новых успехов в труде, учебе и занятиях увлекательными и мужественными спортивными — альпинизмом. Желаю вам покорять пик за пиком и подниматься все выше и выше!»

Задача-шутка

Какое число делится без остатка на любое другое число?

Сколько в бочонке воды!

Бочонок наполнен водой примерно до половины. Как определить, сколько в бочонке воды: ровно половина, меньше или больше половины? К сожалению, никакого измерительного приспособления под рукой нет и решить задачу придется своим путем...

Расставляя кирпичички...

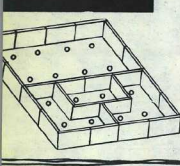
Расставьте 25 четких кирпичинов так, как показано на рисунке. Предполагаю, что это эдакзачини с четырьмя смежными углами, в которых находится 16 кирпичинов: 8+3+3+2. На боковой стороне, чтобы изменить внутреннюю планировку так, чтобы в центре оказались бы четыре кирпичинов в двух других — по шести.

Сделайте это анализом перемещения двух, а затем трех, четырех, пяти, шести и семи кирпичинов.

Прямые линии

Существует древняя игра, многим, по-видимому, незнакома. Суть игры состоит в том, чтобы сделать рисунок, пользуясь ограниченными прямыми линиями, например, двадцатью двумя линиями. Вот какие фигуры могут быть нарисованы. Попробуйте сами сделать несколько рисунков.

— Не вы первая. Летом, случается, там, на вертохуте, даже загорал ребята.

— Чудим.

— Нет, К вы тоже привыкли. Да и любопытно за завод посмотреть, не весь сразу, а в новом рекурсе...

Он был в легком пальто модного покроя, а шапка без ушей, а туфлы. От него веяло студентством и жким-то задорным несогласием с диким холодом, с общепринятыми полубашками и традиционными унтами.

Потом мы бродили по цехам.

В плановом в огромном конвейере бушевало тысячеградусное пламя. Из жерла вырывались каскады искр. И, ощущая жар пламени, нельзя было думать о том, что сейчас, во в эти секунды, за стенами цеха заступает холод туманы, сотни лет казавшихся людям вечным.

Принципиальными словами озарились пролеты цеха, когда из конвейера полилась в ковш расплавленная медь. Стоил ослепляющий прохот. Нелегко было людям. Но трах не был людям им. Казалось, здесь, в царстве полярной ночи, они никогда не расстаются с солнцем.

После плавильного мы попали в электротехнический цех. Было не по-заводскому тихо. Только журчанье электродов до горной гуд мостового крана. Порезали размеры цеха. И еще больше поразилась призрачности грани, отделяющей сырье — аниды — от готовой продукции — катодов. Разница между ними по содержанию чистого металла исчислялась десятками долями процента. И весь этот огромный цех с ваннами, каждая из которых могла бы соперничать своими размерами с плавильными бассейном, существовал лишь для того, чтобы удалить из меди ничтожное количество примесей!

Нам все это казалось удивительно интересным. А наш провожатый «Вот сюда поступает концентрат... Этот агрегат называется конвейером... В этих ваннах происходит электролиз... Инженер словно читал инструкцию. Ему было скучно. Любопытно, как бы рассуждал о технологическом процессе Нижегородца Пожмалый, иначе. Ведь он и на тех, для кого каждый камень тут особый... «Вот, видите, конвейер... Уменьшила штука! Когда ставили его... И, наверное, мы слушали бы так, буд-то за всю жизнь не знали ничего интереснее этого конвейера. Почему же в рассказе молодого инженера все так выложено чванто стужбо неуверенным? Может, он видел тут же конвейер, те же ванны в каком-то своем, особом рекурсе? Как те чудачки, что осматривали завод с вертохуты...

Вот и эти катоды, и цех, и завод, можно сказать, чудо-завод, и чудо-город в тумане, и человеческое уважение, и человеческие сердца — все это в его кровях, добытое нелегкой ценой. И люди. О люди, а из их старший мастер, их почетный металлург... Даже Больше: их человек и в радости и в печали — во всем.

Пожойкой, много выходящий человек рассказывает о своем жинке. А мы слушаем и, помню волы, сопоставляем.

Парня зовут Виталием. Фамилия его Подосинов. Он эдак молодежь Нижегородова...

Виталий Подосинов, инженер-металлург, успешный покомещ по стране, бывать и мастром и старателем, работал на таежном приресе на берегу реки Зои. Техника в ту пору была такая: комбиком с заостренным концом — майлом — подвешенный к Палу коверять замком. Машину за один километр, в Мончегорск.

Виталию двадцать четыре сейчас. Полтора года назад, отслужив в армии, он приехал в Норильск. Познали друзей.

Нижегородова начал свою путь в цеховую металлургию с чернорабочим. Подосинов — с серьезной должности дежурного по электротику. Павел Сергеевич учился на курсах социалистических мастров. Виталий пришел в цех коммунистического труда Семнадцати лет отделился Нижегородова, а затем и катодов, в Мончегорск.

Виталию двадцать четыре сейчас. Полтора года назад, отслужив в армии, он приехал в Норильск. Познали друзей.

Нижегородова начал свою путь в цеховую металлургию с чернорабочим. Подосинов — с серьезной должности дежурного по электротику. Павел Сергеевич учился на курсах социалистических мастров. Виталий пришел в цех коммунистического труда Семнадцати лет отделился Нижегородова, а затем и катодов, в Мончегорск.

А Подосинов? Комсомолец, спортсмен, заурядный инженер. Сергей Виталий учился на подготовительном отделении заочного индустриального института. Он будет инженером... Два человека, два судьбы. И ничего в этом не было особенного. Просто другой теперя у нас жинки. Советские люди сделали ее во сто крат добрее, богаче, просторнее.

«Молодые сыныс легче», — нередко говорят в связи с этим. Да, конечно. Но это не значит легко. Демонстрируя умничалась физическая, но зато намного возросла интеллектуальная нагрузка на человека. Когда-то Павел Нижегородова вручную крошила породу и мвтал о машине, которая была бы в том же явном труда. Молодой инженер, что вордл нас по цехам, начал с верхней точки, Нижегородова — с автоматикой, с конвейера.

Собрался уходить с завода, мы заглянули в директюрку. В небольшой комнате отчаянно спорил четверо, и среди них был инженер, недавний наш провожатый. Он ходил из угла в угол, размахивая руками и говорил, говорил. Надо было бы металлургом, чтобы разобраться в том, что именно он доказывал, против чего ополчался. Но и нам было ясно: речь шла о перспективах дальнейшего развития медеплавильного производства, о необходимости внедрения нового, передового.

Нет, не бесстрастным был этот человек, еще недавно без особого вдовления показывавший нам все тут же злоупотряну конвейер. Да и не мог он взывать у него благоговения. От этой чудно-ночь, от всего нижегородского ему и таким, как он, нужно было начинать «танцевать».

идти дальше по пути технического прогресса. Все время упорно, неуставно искать и думать, думать...

Нет пока что у молодого инженера ни одного «своего» кирпичи на заводе, ни там более в Норильске. Но будет, обязательно будет. И не столь важно, окажется ли этот кирпичи металлургической конструкцией или колонной математических расчетов. Главное в том, что явится он не свет драгоценным кирпичином будущего.

Нижегородова, конечно, сердится, когда вот такой «чужак» проявляет «должного уважения к чему-либо базуречному корешку, с тоном самого Нижегородова. Но это вовсе не оттого, что старший мастер, скажем, не понимает естественного стремления молодых много пережить на своей лад, чтобы сделать хорошие отличники. Это от характера, от ветеранства, от огромной любви к цеху, к заводу, к заполярному городу. Любишь щепетильно, чувствительной даже к интонациям.

Ведь почувствовать он может какой-то оскорбительный прозы в, казалось бы, безобидных словах Сергея Коха — эниного гордишкова. Мы не помнили Нижегородова об этом, когда прощались с ним.

И Норильск вы напустились на нашего одесита за его слова. Он же их просто так, без особого значения...

— Пускай думает, что говорит.

И Норильск ему нравился. Вы знаете, о чем мечтает, ради чего трудится Сергей?

И мы рассказали Павлу Сергеевичу о прикрасном городе, защищенном от ураганных ветров туманы, не знаящем снежных заносов, победившем тумлу полярной ночи.

— Ну, тогда другое дело! — одобрял Нижегородова. — Пускай к нам не медийный заходит, если помощь потребуете...

...Нижегородова — наш недавний гид, и Подосинов, и Кох... Два поколения людей. И возраст, и характеры, и привычки у них разные. Но в главном — во взглядах на жизнь, в стремлении сделать ее лучше — они едины.

Не было бы Нижегородова — не было бы ничего. Молодой инженер «танцевал» бы не от энду-печи, а от того же кайла. Виталий Подосинов, которого не кто иной, как Павел Сергеевич, обучил профессии электротехника, поднявшись в гору не по широкой лестнице, а продиравшись сквозь дубри. Сергей Кох метал бы не о чудесном городе в тумане, а о дымном и тесном балке.

Есть хорошие слова: отчий дом. Каждый знает, что они значат. Можно и нужно стараться сделать этот дом лучше, красивее. Но нельзя не любить его и не быть благодарным тому, кто его построил.

Молодые понимают это и видят своей дол перед отцами не в том, чтобы, устроившись поудобней, спокойно, без тревог и волнений пожинать плоды содеянного ими. Есть у них куда более возвышенная цель: приния из рук старшего поколения эстафету коммунистического строительства, нести ее дальше!

МОЛОДЫЕ ПРИНИМАЮТ ЭСТАФЕТУ

Золотом искрятся массивные плиты катодов, уложенных в штабеля. Кто ни разу не видел, скажет: красиво, проядет за будуче. Нижегородова забыть не может, как нельзя забыть чед хлеба.

Сколько лет девушке!

В прошлом, 1962 году одну девушку спросили: «Сколько вам лет?» Она ответила: «На днях мне исполнилось столько лет, сколько составлял бы сумма цифр в том году, в котором я родилась».

Сколько этой девушке исполнилось лет?

Какое ведро тяжелее!

На весах два ведра воды. Об одном наполнено до краев ведро, но в другом на них плавает деревянный брусок. Какое ведро тяжелее!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 9

НА 1 МЕТР БОЛЬШЕ

Выполнив вычисления, вы получите весьма ничтожный результат. Разность длин двух concentрических окружностей зависит не от величин радиусов этих окружностей, а только от разности радиусов. Если радиус земной орбиты (принимая за единицу) равен R , то радиус лунной орбиты будет $2R$. При удлинении радиуса на 1 метр новая длина орбиты будет $2\pi(R+1) = 2\pi R + 2\pi$, то есть длина этой орбиты составит только 2π , или 6,28 метра, и она не зависит от величины радиуса. На продолжительность года данная прибавка никак не отразится, ибо он удлинился бы всего на 1/300 000 долю секунды.

ФАЗАНЫ И КРОЛИКИ

Кроликов — 12, фазанов — 23.

ШКОЛА ПИФАГОРА

В школе Пифагора обучалось 28 учеников.

НА ЛЕСОПИЛЬНОМ ЗАВОДЕ

За 9 минут будет распилено это бревно.

КАК ПОСТУПИЛИ ПРОДАВЦЫ

Грузин были проданы так: первая партия — шутку за 18 рублей, у него осталось 28 рублей. Вторую партию — шутку за 40 рублей, у него осталось 2 гривны. Третий продавец — шутку за 70 рублей, а осталось у него одной гривны. Оставшиеся 2 гривны были проданы по 30 копеек за шутку. В результате каждый продавец получил по рублю.

ДЕД И ВНУК

Через 28 лет дед будет старше внука в два раза.

КАК РАЗДЕЛИТЬ

Число должно быть таковым: 6, 12, 5, 20.

— Часто у меня спрашивают, как мне удалось стать чемпионом в парной борьбе. Обычно я отвечаю: «Ничего особенного, только бы одного хорошего друга...»

— Это прозвучало из уст и уличного и в четвертом курсе. Как будущий педагог я был увлечен историей древнего мира и поэтому не помешало бы спортивной карьере.

И вот в один из вечеров с Валерией Юзешовой, моей сокурсницей, Валерия была натренирована, и слава его за пределами очной школы горела фанатическим блеском. Ближе к вечеру — то степенно, неостервенно ярким, в зависимости от того, на какой стадии лечения находился Валерия.

В тот год Валерийн увлечение отличалось особой интенсивностью, и даже занялся борьбой. Он мастерила всевозможные приемы и партерщины, и в нашей комнате постоянно слышался стук морианки. Валерия вел катанье тактически, а Боско — бесконечные разговоры со Вселенной.

Воско, когда бросил очередного ученика в глаза Валерия начал угнетать, он, очень внимательно глядя на меня (а в это время копался в мифологии Древней Греции), сказал:

— Посмотри в зеркало на свою бледную физиономию и точно так согласился с Валерией.

Выполняя спортом... задучино продолжая Валерия.

— Видишь ли, — Валерия сиял очарованием, что сейчас он поступает в бесконечные рассуждения о пользе спорта, о его истории, о его значении на развитие человеческого общества и его значении в международном политическом обстановке. Однако на этот раз Валерия был удивительно краток: «Ты же необходимо укрепить мышцы ног!», сказал он, — потому что они у тебя слишком долго находятся в состоянии покоя. И потом велоспорт укрепляет нервную систему, повышает упругость, уверенность в себе. И, что самое основное, ты сможешь несколько часов в день работать на свежем воздухе».

Трудно было не согласиться с Валерией, и на следующий день я уже носился по городу на новеньком, очень легком велосипеде.

Нас омавилось человек десять любителей велоспорта, и тренер Александр Григорьевич решил покатать нас и предостичи соревнования. Наш институт занимал во много раз вид спорта не последние места, поэтому и на велосиподисте тоже возлагались большие надежды, и считалось, конечно, меня, так как я занимался спортом не серьезно, а лишь для того, чтобы в какой-то степени укрепить организм.

Но когда наступил день соревнования, выяснилось, что отказаться от участия в них невозможно. Александр Григорьевич умолял меня выйти на старт, потому что народу у него совсем мало, и пусть я буду хотя бы личным в толпе. А я представлял себе, как ползущий по разбитному асфальту, самый последний, на последние деньги, читающий и тотоз был скорее поминуты с собой, чем выйти на старт. Александр Григорьевич страстно звал и мое «потерянной совести», писал, себе гордо, угрожал, угрожал, обещал.

Националь и не выдержал и слезся. Но точно же у меня созрел план

Станислав Дышко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАПОРТ

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Русски в НЕДОГОНОВА

действий: как только отъедем от старта и зрители останутся позади, остану от основной группы, промолчу громким камеру и вернусь назад, отом я, разумеется, не слышал ниному.

Перед стартом я в отличие от других участников был необычайно спокоен. А соревнования предстояли довольно сложными. Этого один из всей этой массы разношерстных велосиподистов должен был завоевать право участвовать в республиканском спартакиаде.

Валерия долго отирался вокруг меня, соучастием на меня поглядывая, совсем не подозревая о моем плане. Наконец, когда до старта оставалось минут пять, он подошел ко мне и сказал:

— Ну как?

— Я микнут рукой.

Валерия пошел в карман, вытащил маленький электромоторчик и протянул его мне.

— Его надо удержать за себя, — сказал он. — Вот это колесико должно тесно соприкасаться с асфальтом колесом.

— Издавайся? — спросившая себя, спросил я.

Но Валерия вполне серьезно протянул мне маленькую батарейку с двумя длинными проводками.

Питание можешь поместить где угодно.

И эта штука потянет мой велосипед! спросил я, сраженный Валерийей несомнностью.

Потрянул ли эта штука велосипед! — усмехнулся Валерия. — Да ты с этой штукой походишь всех своих соперников в кашу.

— Но это неестно, — начал ома я, но Валерия перебил меня:

— Не говори «это», пока не выиграл соревнования. Во-первых, эту штуку тебе не увидеть, а сделать это так, чтобы никто не увидел. А во-вторых, велосипет за два до старта должен быть уже исправно снят и поработать ногами.

Все это было довольно заманчиво. Я сразу же представил себе, как будут поразены все мои знакомые, как ринутся поздравлять меня и как Леночка Федорова с факультета физвоспитания, читавшая меня самой заворающей бумажной нрымой, будет говорить обо мне.

Валерия же не выдержал и слезся. Но точно же у меня созрел план

Некоторое время после старта все ехали кучей и между друг друга как только могли. Потом стали выявляться лидеры, среди них был и я. Наконец впереди меня оказался только один гоночник. Я не смотрел на своего соперника. Не внял, то ли у него была какая-то особая тактика, то ли я был достаточно силен, но как бы там ни было, я обогнал его и вырвался вперед. Мне приходилось то и дело отпадываться, чтобы убедиться в том, что мой противник в конечном итоге отстал от меня.

Когда его не стало видно, я есмелно ехал впереди и стал укреплять у заднего колеса велосипедом амортизатор. Мне удалось принудить только одну гайку, как вдали показавшаяся желтая майка моего соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

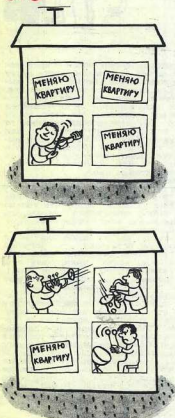
В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

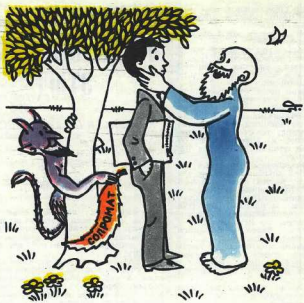
В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

В следующем километре мне удалось присоединиться к аэротростю одной групп. Через несомненно километров, я отстал от соперника. Пришлось снова удержать. Я работал ногами лучше любого гонщика, а в следующую остановку, до которой мне пришлось ехать несомненно километров, я отстал от соперника.

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

Рисунки В. СОНОВОА
(г. Ленинград)

СОТВОРЕНИЕ СТУДЕНТА (По Жаку Эффелю.)

Рисунки В. ДМИТРИЮКА

Рисунки В. ДМИТРИЮКА

← ТРЕНИРОВКА ПОНЕВОЛЕ.

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

— ПРАКТИКАНТЫ ПРИВЫЛИ С ЭТИМ НАРОДОМ МЫ ГОРЫ СВОРИТИМ

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

В ИНСТИТУТЕ ФИЗИКУЛЬТУРЫ.
— Не можете? Тогда тяните еще
один билет.

Рисунки В. ДРОГАЛИНА

Первая страница обложки: Научный сотрудник Всесоюзного электротехнического института имени В. И. Ленина Андрей ЛЮКАНИН, или «громоварщик», как его шутя называют студенты. Электросило в этот институт вы монете совершить, отыскав страницу 24.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спортобщеская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутиатор Е 1-70-20

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-32; международной лезвия — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-78; писем — доб. 3-33; науки и техники — В 7-95-82; информации — В 7-65-82; оформления — В 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дольцовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Иравский, Е. М. Рабчиков, В. И. Самохин [заместитель главного редактора], А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

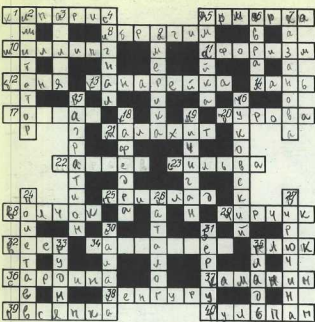
Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00083. Подписано к печати 9/IV—63 г.
Тираж: 1 000 000 экз. Изд. № 883.
Заказ № 998. Формат бумаги: 70×108/8.
2 б. л.— 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ж И Л И М Ы В ОБЩЕЖИТИИ

КРОССВОРД

Составил В. ШИШКОВ, г. Ярославль.

По горизонтали:

1. Вечнозеленое дерево.
5. Торг устраиваемый регулярно в определенном месте.
6. Персонаж произведения А. С. Пушкина «Арап Петра Великого».
10. Демонская единица Австрии.
11. Братом карачина.
12. Писатель В. В. Маяковского.
13. Птица с ярким оперением.
14. Династия семейства оленей.
17. Чешский поэт XIX века.
20. Первая русская женщина-офицер.
21. Милорад армяно-индийского цвета.
22. Советский инженир-миссер, лауреат Ленинской премии.
23. Чертета И. Кальмана.
25. Часть ружья.
26. Детская игрушка.
29. Индустриальный центр Узбекистана.
32. Механизированная установка на животноводческой ферме.
34. Машина, производящая работы на железнодорожных путях.
35. Композитор, реформатор европейской оперы XVIII века.
36. Промысловая рыба.
37. Один из первых Героев Советского Союза.
38. Суцачато австралийское животное.
39. Птица отряда воробьиных.
40. Лучшее декоративное растение.

По вертикали:

2. Артист-звукорежиссер.
3. Первый русский литературный альманах, издававшийся Н. И. Крамарины.
4. Марна районоредатчиков космических кораблей «Восток».
5. Остров в Карибском море.
6. Страна работа на корабле.
7. Героиня французского народа, участница движения Сопротивления.
8. Часть света.
10. Русский полководец Великой Отечественной войны (1812 год).
16. Советский писатель и дирижер, лауреат Ленинской премии.
18. Объединение научных работников и преподавателей в высшем учебном заведении.
19. Озеро в Северной Америке.
24. Герой Советского Союза, национальный герой Италии.
26. Перечень, составленный в определенном порядке.
27. Медоносный кустарник, используемый для живых изгородей.
30. Балтийская сельдь.
31. Полевой сигнал одного из советских космонавтов.
33. Город в Смоленской области.
35. Способ вышивки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫМ В М 9.

По горизонтали:

3. Полковник.
7. Тонакер.
8. Симон.
9. Котовский.
14. Шобуров.
17. Маннер.
18. Нахимов.
19. Шоукинуно.
20. Ставданин.
23. Авдация.
25. Сколоп.
26. Зинича.
29. Кавалерия.
30. Адмирал.
31. Толстой.
32. Лавинград.

По вертикали:

1. Носовей.
2. Дивизия.
4. Орловский.
5. Кожедуб.
6. Подорожник.
10. Тамарин.
11. Помощник.
12. Шахматист.
13. Непринце.
15. Раснона.
16. Воронин.
21. Талалин.
22. Торбеда.
24. Бирозов.
27. Кавалер.
28. Пилотаж.

Темп медленного вальса

Жи - ли - мы в об-ще-жи-тии столько лет, столько лет. Бе-лым це-ремухам - том че-ре-му-ха! За ме-та - ет наш след. Мы бы-ва-ем сту-дентами только раз. По-да-ри мне, по-жа-луйста, э-тот медлен-ный вальс.

Для повторения

Для окончанья

Слова А. СМОЛЬНИКОВА

Музыка А. ЛЕБЕДЕВА

Жили мы в общежитии
Столько лет,
Белым цветом черемуха
Замечает наш след.

Мы бываем студентами
Только раз,
Подари мне, пожалуйста,
Этот медленный вальс.

Пусть глаза твои видят
Сквозь года,
Сквозь года,
Нам с тобою не встретится,
Может быть, никогда.

Сколько весен негоданных
Ждет в пути,
Мне и след твой стремительный
Может быть, не найти.

Но лишь вспыхнет черемуха
По весне,
По весне,
Точно сказка забытая
Встрепнется во мне.

Мы бываем студентами
Только раз,
Подари мне, пожалуйста,
Этот медленный вальс!

С № 10 «МЕНА»
НАЧИНАЕТ ПУБЛИКОВАТЬ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
ЛЕНИНГРАДСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГЕОРГИЯ МАРТЫНОВА
«ИЗЯ»

Цена номера 20 коп.

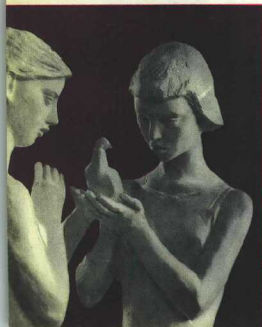
Индекс 71391

Фото М. МУРАЗОВА

Сегодня мы хотим познакомить читателей с работами молодого скульптора Татьяны Соколовой. Некоторые из них, возможно, встречаются вам не в первый раз: Т. Соколова — постоянный участник московских и всесоюзных молодежных выставок.

Одна из главных черт творческого лица скульптора — лиризм. Им пронизана каждая

АВТОПОРТРЕТ С ДОЧЕРЬЮ

работа Т. Соколовой. Но ее лиризм далек от простой созерцательности и любованья. Он идет от глубины мысли, заключенной в ее скульптурах. Судить об этом можно даже по тем произведениям, которые воспроизведены на этой странице.

Говорить о скульптурах Т. Соколовой довольно трудно. Ее вещи менее всего подвержены литературному описанию. У них свой язык — язык пластики. И, быть может, глядя на ее работы; каждый задумается о своем. Но ясно одно: в скульптурах Т. Соколовой живут мотивы добра, истинного гуманизма, человеческого счастья, человеческой грусти. В конечном счете художественный идеал Т. Соколовой — духовно богатый, прекрасный человек. Это и составляет содержание ее творчества.

КОМПОЗИЦИЯ
С ГОЛУБЕМ

МУЖСКОЙ
ПОРТРЕТ

